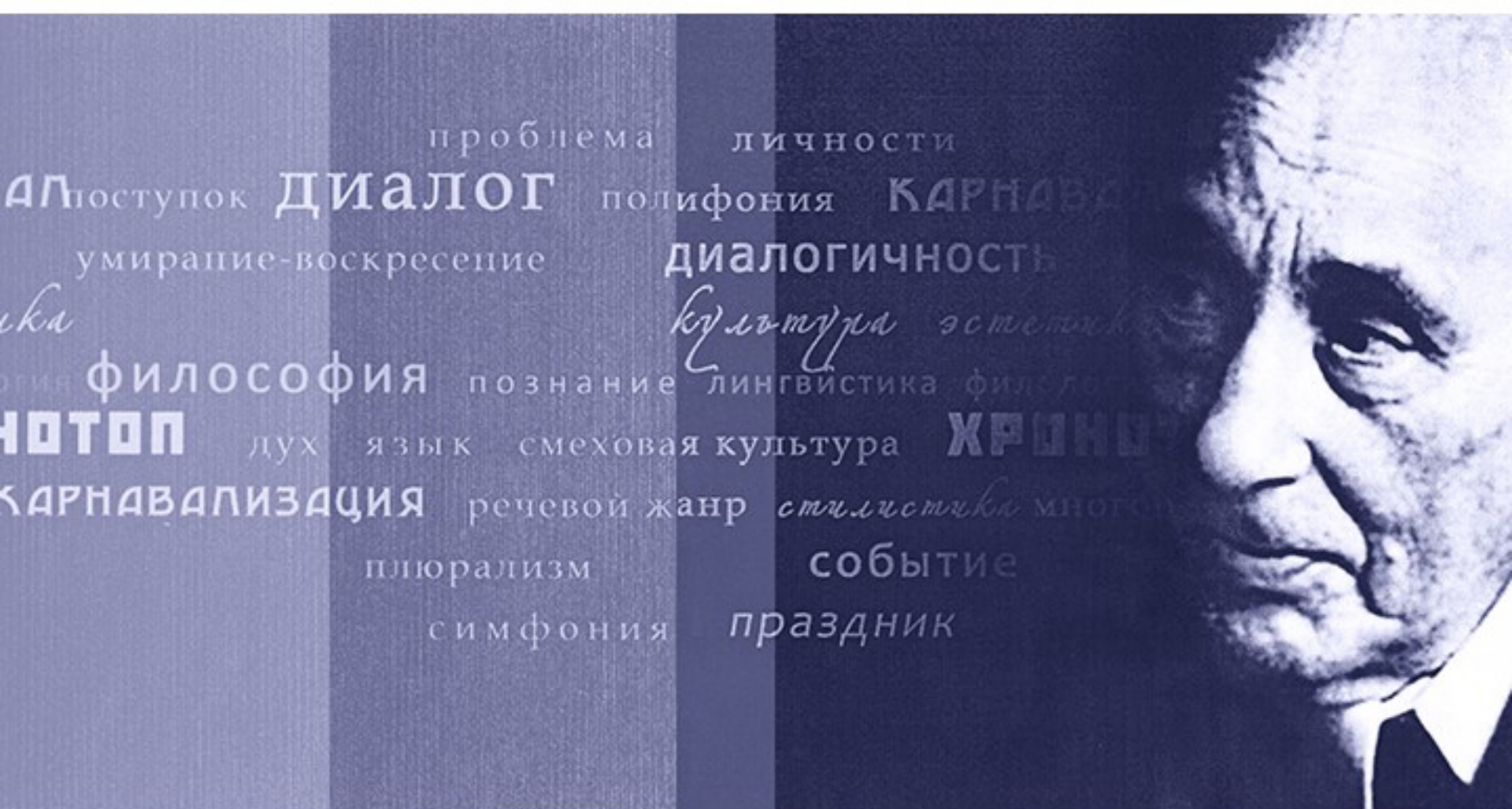

eISSN 2658-5480

БАХТИНСКИЙ ВЕСТНИК

2021

№ 1(5)

<https://bakhtin.mrsu.ru>

2021, №5

Бахтинский вестник 2021 №1(5)

Теоретические исследования

[Материалы к XVII Международной Бахтинской конференции «Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению»](#)

Н.И. Воронина (Саранск, Россия), С.А. Дубровская (Саранск, Россия), И.В. Ключева (Саранск, Россия), А.А. Сычев (Саранск, Россия)

[М. М. Бахтин на фоне философии экзистенциализма](#)

Рецензия на книгу: Бонецкая Н. К. Русский экзистенциализм. СПб. : Алетей, 2021. 670 с. А.А. Сычев (Саранск, Россия)

Из архива

[Лекции М.М. Бахтина по истории зарубежной литературы в записи М.А. Бебана. Часть 5.](#)

Публикация, вступительная статья и примечания И.В. Ключевой (Саранск, Россия)

[Скачать приложение](#)

Материалы к «Бахтинской энциклопедии»

[1. Затонский Дмитрий Владимирович](#)

С.А. Дубровская (Саранск, Россия)

[2. Любимов Николай Михайлович](#)

С.А. Дубровская (Саранск, Россия)

[3. Невель](#)

В.И. Лаптун (Саранск, Россия)

[4. Фосслер Карл](#)

В.П. Киржаева (Саранск, Россия)

[Памяти Николая Леонидовича Васильева](#)

[Памяти Владимира Викторовича Фёдорова](#)

**Материалы к XVII Международной Бахтинской конференции
«Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия:
от диалогического воображения к полифоническому мышлению»**

© 2021 Н. И. Воронина

*Воронина Наталья Ивановна, доктор философских наук,
профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов
Института национальной культуры, директор Центра М. М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
E-mail: kafkmggu@mail.ru*

© 2021 С. А. Дубровская

*Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М. М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

© 2021 И. В. Ключева

*Ключева Ирина Васильевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов
Института национальной культуры, аналитик Центра М. М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

© 2021 А. А. Сычев

*Сычев Андрей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
E-mail: sychevaa@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Аннотация. Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева при поддержке Главы Республики Мордовия проводит XVII Международную Бахтинскую конференцию «Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению» (Саранск, 5–10 июля 2021 г.). К настоящему времени поступило большое количество заявок на участие в конференции. В статье представлен аналитический обзор поступивших заявок.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, диалогическое воображение, вызовы XXI столетия, полифоническое мышление.

Основные задачи предстоящей конференции: обсуждение научного, общественного и культурного значения творческого наследия М. М. Бахтина, актуальности диалога в современном поликультурном мире, перспективности идей мыслителя для развития философии, филологии и других гуманитарных наук в условиях глобализации, трансформаций образовательной среды; укрепление сотрудничества отечественных и зарубежных исследовательских центров, вузов и академических институтов на основе изучения и применения идей Бахтина в поиске ответов на вызовы XXI столетия.

Предлагаем вниманию читателей журнала ознакомиться с некоторыми из поступивших заявок на участие в конференции для последующего участия в обсуждении докладов. Доклады предварительно объединены нами в разделы в соответствии с заявленной проблематикой.

Первый раздел – «БАХТИНОЛОГИЯ» – к настоящему времени представлен

двумя заявками – от следователей из Канады и Мексики.

Р. Альварадо (Сочимилько, Мексика). «Восприятие М.М. Бахтина среди языков и культур в исторической перспективе». Автор указывает на важность изучения не только наследия М.М. Бахтина, но и выдающихся бахтиноведов (К. Эмерсон, К. Хиршкоп, К. Брендист, Г. Тиханов и др.). На протяжении многих лет он записывал рассказы представителей различных научных традиций и культур о том, как и почему они пришли к Бахтину, что они считают наиболее важным в его творчестве. Анализ этих историй составляет содержание выступления Альварадо.

К. Хиршкоп (Ватерлоо, Канада). Мифотворчество: почему Бахтин вернулся в будущее в конце 1930-х годов? С момента появления Бахтина на мировой арене в 1970–1980-х гг. бахтиноведам пришлось потратить много времени на изучение, а затем опровержение различных мифов, окружавших этого человека и его сочинения. Почти все доказательства, использованные для развенчания этих мифов, были собраны учеными в России и Советском Союзе (например, Н. А. Паньковым и С. С. Конкиным), а также рядом исследователей из Саранска, и для тех, кто работал за пределами России, было важно обнародовать эти доказательства и развеять мифы. Автор доклада придерживается противоположной позиции: он хочет создать небольшой миф, «состоящий из трезвого научного тезиса, связанного с несколько фантастической биографической гипотезой». Как и многие мифы, он пытается объяснить реальный феномен с помощью истории. Научный тезис таков: хотя мы обычно описываем творчество Бахтина в конце 1930-х гг. как достаточно однородное, посвященное исторической поэтике или «общей философии романа», на самом деле существует большой разрыв между работами о Гете и «романе воспитания», с одной стороны, и о хронотопе и Рабле, с другой, хотя, по мнению редакторов собрания сочинений мыслителя, они слиты в единое бахтинское письмо, в «лабораторный текст».

Второй раздел – «ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ» – представлен именами исследователей из Великобритании, Испании, Китая, России, США, Чили, Японии.

Г. Тиханов (Лондон, Великобритания). Бахтин открывает «Философский словарь» и натывается на «Космополитизм». Прослеживаются понятия открытости и чуждости в творчестве М. М. Бахтина. В начале 1950-х гг., когда волны антикосмополитической кампании в Советском Союзе постепенно отступали, он прочитал и подчеркнул несколько статей в санкционированном партией «Кратком философском словаре». Среди них была запись о «космополитизме». Был ли Бахтин философски озабочен идеей космополитизма, стремясь экранировать свою собственную работу на ней и размышлять о ценностях, которые продвигает этот конкретный дискурс, но также и о присущих ему ограничениях, или он просто инсценировал свое собственное приспособление к системе, которая клеймила космополитизм как чуждое тело мысли, противоречащее господствующему интеллектуальному климату? Именно эти вопросы я хотел бы затронуть в этой статье, которая частично основана на исследованиях личной библиотеки Бахтина в Саранске.

Н. А. Червяков (Москва, Россия). Онтологический проект Михаила Бахтина: исключительная оригинальность или завуалированная эклектика? Однако история философии возможна, но в другом регистре рассмотрения. Этот регистр ставит акценты на предельных условиях, или предпосылках, философских конфигураций. Именно за счет «неявного» для философии и возможно ее самовписывание в традицию. Автор пытается эксплицировать и расшифровать это «неявное» на примере онтологии М. М. Бахтина.

Н. И. Изергина (Саранск, Россия). Проблема формирования российской идентичности в свете диалогической философии Михаила Бахтина. Рассматривается формирование российской идентичности в свете диалогической философии Михаила Бахтина, которая предстает как междисциплинарная проблема. В ее центре находится активная личность, творящая национальную духовную культуру. Идея диалога представлена у Бахтина как полифония, что имеет методологическое значение для осмысления формирования российской идентичности, протекающей в условиях полиэтничности, поликонфессиональности и поликультурности общества. Теория культуры ученого может быть использована для создания «метатеории идентичности... структура которой определяется культурой» (Э. Д. Дряева, Д. И. Дубровский).

Подчеркнем связь проблемы идентичности с диалогической философией Бахтина в силу ее близости русской религиозной философии, в центре которой единая в своей уникальности и универсальности личность. Именно в поступке единой личности, который «стягивает... и смысл, и факт, и общее, и индивидуальное, и реальное, и идеальное...», и в «бытии-событии» мира, которое включает множество «поступков» конкретных личностей, реализуется, согласно мыслителю, единство мира культуры и мира жизни.

Ацуши Тадзима (Токио, Япония). Бахтинская концепция терпимости и «празднования многообразия» в свете идей Николая Кузанского. В докладе развиваются идеи М. М. Бахтина в контексте философии Николая Кузанского с целью изучения возможности терпимости и даже празднования множественности в нынешнем раздираемом конфликтами мире. Современное культурно разнообразное общество способно как на творчество, так и на конфликты. Автор выдвигает и обосновывает гипотезу, согласно которой рассмотрение Бахтиным творчества, порождаемого этой множественностью, в определенной степени основано на идеях средневекового немецкого философа, кардинала католической церкви Николая Кузанского (1401–1464), хотя российский мыслитель напрямую на него не ссылаясь. Кузанец, работы которого стали основой творчества художников и ученых эпохи Возрождения, ценил множественность. Одна из его ключевых идей – идея «научного невежества» («Docta Ignorantia»), согласно которой совершенство Бога непостижимо, никто не может точно понять его, и важно осознавать это неизбежное невежество. В 1920-х гг. Бахтин утверждал, что у каждого человека свой взгляд на внешний мир, и называл это неумолимое разнообразие «избытком видения». Контекстуализация дискуссий Бахтина в аспекте идей Кузанца проясняет взаимосвязь между множественностью индивидуальной субъективности и единством данной социальной группы.

С. Ниньо Косевер (Сантьяго, Чили). Полифоническая инаковость в «Заратустре» Ф. Ницше: бахтинское прочтение автора через героя в главном произведении немецкого философа. Общая цель доклада – показать, каким образом работы М. М. Бахтина могут дать инструментарий для анализа и переосмысления классических и неклассических авторов. В частности, автор использует бахтинские концепции автора и героя, понятия «Я» и «Другой», литературной полифонии, хронотопа в литературных жанрах для интерпретации «Заратустры» Ф. Ницше как произведения «преобразования», где герой может трансформировать себя только посредством диалогической и полифонической операции по отношению к другому – операции, которая влияет на самого автора в изменении его философии и даже его жизни.

С. А. Смирнов (Новосибирск, Россия). Философская рефлексия М. М. Бахтина: опыт устной автобиографии. Исследователь размышляет над уникальной авторской концепцией философии поступка, полагая, что Бахтин всей своей жизнью как бы скрывался, пытаясь сохранить себя, сохранить для самого важного дела – жизни с Богом, что не требует публичности. Однако в то же время разработал настоящий полноценный концепт антропологии автобиографии, полагая, что именно автобиография задает ценностное целое человеку, помогает ему обрести место в событии бытия... Отказ Бахтина от создания собственной автобиографии как специальной искусственной формы самообъективации не означал отказа от фактического построения автобиографии в реальности творчества. Идея автора как «Другого» воплотилась в самих исследованиях Бахтина, но удивительным образом. Он создавал себя как автора через своих собеседников. Три его великих собеседника – Гете, Рабле и Достоевский, выступая «Другими» по отношению к «Я» Бахтина, имплицитно помогали ему самому строить свое «Я», свою биографию. Бахтин, создавая концепты автора и героя, романа воспитания или полифонического романа, строил и концепт собственного авторства.

Е. П. Песоцкая, В. И. Инчина (Саранск, Россия). Феномен субъективности в научном наследии М. М. Бахтина (аспекты технокультурной сингулярности). Авторы утверждают, что недостаточность иного прочтения существующих представлений о человеке и его бытии в настоящем постоянно восполняется обращением к творчеству философов, чей вклад можно назвать антропологическим по своей сути. Наследие М. М. Бахтина является самоценным в метапроектировании человека, посредством которого раскрываются и исследуются возможности человеческого бытия в современной

технокультуре. Здесь сфера человеческой субъективности определяется как поле одновременного проявления смыслов, ценностей и артикуляции объективного в процессе их изменчивости. Авторы выявляют основания познания и собственно герменевтического потенциала с помощью философской методологии как всеобщей. Она в настоящем открывает горизонты глубинного прочтения человека, пребывание которого в мире максимально приблизилось к состоянию технокультурной сингулярности. В ускоряющемся технологическом развитии это особый символизирующий момент, прогнозирующий максимальное усложнение техносферы. По этой причине инструментальное значение наследия Бахтина для философской мысли и современной культуры в целом — суть явления реальности в возможность существования субъекта на основе контактов с сознанием Других людей через язык и коммуникацию. В этом ряду процессуальная сторона проектных самоизменений личности понимается как движение человеческой природы к истине. В социогуманитарном познании его исследуют посредством герменевтического метода интерпретации жизненного опыта субъекта и концепции диалога Бахтина.

М. Э. Рябова (Москва, Россия). «Я» и «Другой» в философии М. М. Бахтина и мировой философии. Онтологический масштаб проблем, обозначенных в докладе, позволяет считать, что не все точки над «i» в предложенных решениях поставлены. Скорее, напротив, наследие М. М. Бахтина обладает потенциалом, который сложно исчерпать в рассмотрении проблемы «Я» и «Другой». Здесь содержится потенциал диалектики мышления как реализации потребности проникновения в онтологию социальной реальности, как способности ответа на специфику мира. Несмотря на различия в трактовке и решении проблемы между «Я» и «Другим», где оппозиционные полюса выступают равными (М. Бубер), но принципиально разными (М. Хайдеггер), либо превосходящими друг друга (Ф. Эбнер), у большинства авторов-диалогистов можно выделить общий знаменатель: «Я» в отношении к «Другому» не проявляет доминантность. В диалогическом дискурсе Бахтина принципиально имеется «Другой» как необходимое условие диалога. Он отмечает: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, — с ними можно только диалогически общаться». Основным отличием идеи Бахтина является то, что логика дихотомии «Я — Другой» апеллирует не только к уникальности «Я», но и приобщение к внутреннему миру «Другого». Далее ученый подводит к мысли, что во всем многообразии мира лишь диалогические отношения между «Я» и «Другим» направлены в будущее. Новые вызовы развития общества позволяют осмыслить наследие Бахтина в современном контексте и способствовать интеграции разнообразных теорий в философское концептуальное поле.

С. Мас Диас (Барселона, Испания). О роли любви в мышлении Бахтина. Несколько замечаний, показывающих настоящее и будущее мысли М. М. Бахтина. Предлагается способ прочтения творчества Бахтина как диалогического отношения на трех уровнях (между реальными людьми, автором и героем, читателем и текстом), как три модальности любви. Любовь понимается как акт, охватывающий эпистемологические, этические и эстетические моменты. Диалогическое любовное отношение между автором и героем Бахтин сравнивает с отношением между живыми людьми: «как Достоевский использует этот избыток. Не для овеществления и завершения. Важнейший момент этого избытка — любовь, признание, прощение (беседа Ставрогина с Тихоном), наконец, просто активное (не дублирующее) понимание, услышанность». Еще одно ключевое для данного подхода понятие — «избыток», которое используется Бахтиным в двух смыслах: духовном, применительно к последствиям позиции внаходимости, и в смысле, связанном с теорией жизни как изобилия, бесконечного творения и плодородия (производительной силы, материально-телесного избытка, обновления и возрождения).

Чен Тао (Пекин, Китай). «Хронотоп: формирование феноменологии М. М. Бахтина». Хронотоп рассматривается через призму понятия «Bildung» (самообразование, самовоспитание), соответственно основное внимание уделяется хронотопу новоевропейского романа воспитания в его трактовке Бахтиным.

В данном разделе также заявлен доклад **А. Вайман (Сарасота, Флорида, США)** на тему «**Научность и ответственность: размышления об ответственном подходе к гетерогенной мысли Бахтина**».

Третий раздел – «КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЭСТЕТИКА И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ» – составляют заявки исследователей из Беларуси, Бразилии, Великобритании, Ирана, России.

А. Ангушева (Лондон, Великобритания). Насколько «народна» народная культура у Рабле? (Замечания о прочтении М. М. Бахтиным европейской народной культуры в эпоху Средневековья и Возрождения). Термин «народная культура» занимает особое место в творчестве М. М. Бахтина и, в частности, в его фундаментальном исследовании о Рабле. Его центральная роль плодотворно обсуждалась в западной и российской науке в течение последних нескольких десятилетий. В данном докладе мы вновь возвращаемся к использованию этого термина в диссертации Бахтина, стремясь распутать многочисленные слои его значения по отношению к взаимодействию письменных и устных практик в средневековой европейской культуре.

О. Г. Беломоева (Саранск, Россия). Народное искусство в контексте проблемы диалога культур. Доклад посвящен проблеме диалога различных типов культур на современном этапе. Рассматриваются основные виды конфликтов, существующих в художественном процессе, выявляются основания для диалога различных типов художественной культуры на рубеже XX–XXI вв., называются области плодотворного диалога традиционного и постмодернистского искусства. Народное искусство является наиболее этноцентричным по своей природе, в то же время этнические черты в трансформированном виде присутствуют в искусстве национальном. В свою очередь постмодернистское искусство нередко опирается на мотивы и образы архаики, обладающие отчетливо выраженным символическим характером, знаковостью. Это обстоятельство создает потенциальную основу для осуществления диалога различных пластов художественной культуры. Поскольку данные феномены родились каждый в свою эпоху, отличную от других, они не обязательно вступают в контакт в форме диалога-согласия, которую М. М. Бахтин считал одной «из важнейших форм диалога», приобретая нередко форму диалога-спора. Диапазон разрешения противоречий может колебаться от полного отрицания права участников диалога на существование до гармоничного соединения традиции и инновации.

Е. А. Семенова (Москва, Россия). Карнавальная амбивалентность инвективы в современной российской субкультуре. Анализируются функции инвективы в трех современных российских субкультурах. Проводится сравнительный анализ байк-культуры, субкультуры уличного театра, российской рэп-баттл, рэп и рок-культуры, в которых инвектива является адекватным речевым кодом, где общение происходит на языке «Дикого поля». Особый интерес для автора представляют причины, по которым происходит трансформация инвективы в карнавальную хвалу-брань. Характерно, что все три субкультуры тяготеют к театральным проявлениям, к оборотничеству, маске, использованию инвективных метафор в качестве комплементарных, дружелюбных игровых сигналов коммуникации.

Ю. А. Кузовенкова (Самара, Россия). Хронотоп как инструмент исследования молодежных уличных арт-практик. Утверждается, что хронотоп может быть не только средством выразительности, используемым в литературе, но и методологическим инструментарием для диагностики городской культуры, примером чему могут служить работы научной группы под руководством профессора Е. Я. Бурлиной. Хронотоп порождает смысл, является средством выразительности, конституирует суть феномена культуры и т. д. Прослеживается, как «время-пространство» определяет суть и характер арт-практик граффити и нелегального стрит-арта, и каким образом он связан с их функциями. Одно из изменений, произошедших с граффити и стрит-артом в начале XXI в., – появление практик их легитимации (выставки, аукционы, фестивали, коммерческие росписи стен и др.), которые также сказались на хронотопе.

Е. Я. Бурлина (Самара, Россия). Хронотоп романа – хронотопия города и науки. М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман и Д. С. Лихачев – несомненные лидеры отечественной гуманитаристики XX в. Новые методологии, выдвинутые ими, получили мировой статус и признание. Семиотика, по Лотману, открыла методы научного анализа художественных текстов. Борьба за культурное наследие, по Лихачеву, институализировала сохранение памятников культуры. Методологические подходы

Бахтина заворожили мировую гуманитаристику. Докладчик формулирует несколько тезисов о влиятельности бахтиноведения в современном мировом контексте: **1.** В трактовке Бахтина, жанр базируется на хронотопе, т. е. пространственно-временных доминантах культуры. Классический жанровый анализ романа Ф.М. Достоевского позволяет создать модель русской культуры в целом. Жанровый анализ романа Рабле открывает принципы Средневековья. «Маленькая клеточка» жанра – «**изоморфна** культуре в целом»: это – открытие Бахтина. Оно вошло в мировое науковедение. **2.** Хронотопия города. Хронотопы города, заимствованные по аналогии с хронотопом романа у Бахтина, оказались невероятно востребованы в мировой урбанистике и культурологии. **Хронотопия** – замечательный инструмент диагностики города. С ним коррелирует научный слоган «**Город как сцена**», показывающий связи прошлого – настоящего – будущего. **3.** Научная модель хронотопа по Бахтину, имеет целый ряд аналогов в науковедении. Экспериментальная работа в новых научных областях основана, как правило, на изоморфности предельно малых и предельно больших структур. Например, научные модели цитологии: исследуя хронотоп микрочеловечка, можно ставить макродиагнозы. Это одна из самых важных диагностик в медицине прямо сопоставима с моделями, выдвинутыми М. М. Бахтиным.

О. Н. Власкина (Саранск, Россия). Культурологические концепции Г. П. Федотова и М. М. Бахтина. Начиная с 1920-х гг. человек утрачивает религиозное чувство, что порождает поиск новой субстанции. Происходит замещение объективного бытия онтогносеологической ценностью человека, который является строителем новой культуры. Философы этого периода Г. П. Федотов и М. М. Бахтин строят модели видения современной личности для того, чтобы постигнуть через них обновленное бытие. С точки зрения Федотова, культура направляется импульсами Святого Духа, который объединяет все человечество и действует через всех живущих на Земле людей, через все народы. М. М. Бахтин выходит на новый этап понимания культуры путем вытеснения божественной сущности и всего религиозного понятийного аппарата. Только личность (а не творец этой Личности) есть субстанциональная действительность всех феноменологически понимаемых элементов бытия.

М. В. Логинова (Саранск, Россия). Методологическое значение идей М. М. Бахтина для современной философии искусства. Утверждается, что современная философия искусства характеризуется процессом становления, касающегося как категориального аппарата, так и методологии. Концептуальное оформление и утверждение философии искусства в качестве самостоятельной науки происходит в эпоху «незавершенного проекта» модерна (Ю. Хабермас), провозглашающего онтологическую неповторимость и являющегося универсальным способом мировидения. Акцент на проблемах многомерности модерна, сделанный еще Г. Гегелем и Ш. Бодлером, способствовал актуализации специфической черты современной философии искусства – кризиса репрезентации в искусстве как нарушения взаимосвязи в системе «искусство – субъект – действительность». Эвристичность методологии М. М. Бахтина в контексте изучения современной философии искусства автор определяет следующим образом: 1) онтологизация и эстетизация философской проблематики, раскрывающая изменения в самосознании субъекта; 2) событийность философии искусства рассматривается как «встреча» бытия и иного/инобытия (т. е. превращенных форм бытия), как устойчивая повторяемость неповторимого. Один из основных вопросов философии Бахтина – это событие бытия, так как способ подлинно человеческого бытия возможен через бытие с Другим. Концептуализация современной философии искусства происходит при активном использовании методологии Бахтина. Исходя из специфического стиля философствования Бахтина, методологическое значение его идей заключается в поиске современным исследователем первоначального вопроса бытия и в помещении себя в широкий экзистенциальный контекст.

Е. В. Абрамовских (Самара, Россия). Значение идей М. М. Бахтина о композиционных и архитектурных формах. В докладе рассматривается концепция Бахтина о разграничении архитектурных и композиционных форм. Она становится принципиальной для дефиниции понятий незаконченного/незавершенного текста. Структуру произведения «как осуществляющую эстетический объект» Бахтин называет

«композицией произведения». Для бахтинского «эстетического анализа» аксиоматично методическое разграничение «архитектонических» и «композиционных форм». Под архитектурной формой ученый понимает форму «содержания эстетической деятельности» или «внутреннего произведения» (эстетического объекта), а под композиционной формой – материал «внешнего произведения» (текста). Композиционная форма объективна, это «форма знакового материала произведений художественной культуры» (Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа). Архитектоническая же форма – интерсубъективна, она объединяет автора с читателем в архитектурной фигуре «эстетического субъекта». Самое принципиальное открытие Бахтина в вопросе соотношения архитектурной и композиционной форм в том, что архитектурная форма не знает становления и не может быть незавершенной, тогда как композиционная, представляя архитектурную в знаковом материале, претерпевает процесс становления, который может и не завершиться. Т. е. композиционная форма может быть незаконченной (по разным причинам), однако эстетический объект при этом будет создан, архитектурная форма воплощена. Архитектоника целого либо есть, либо ее нет, тогда, собственно, нет и произведения искусства. Благодаря концепции Бахтина вносится определенность в разграничение категорий незаконченности/незавершенности.

Н. И. Воронина (Саранск, Россия). Поклонение «пожизненному другу...»: М. В. Юдина – М. М. Бахтин. Автор выстраивает смысловые характеристики сотворчества двух мыслителей (слова и звука) на основе литературы и музыки, передавая собственное прочувствование поклонения автора книги великому Бахтину. Немногим даровано право заглядывать в бездонные глубины всеохватывающего чувства, когда ты прикасаешься к музыкальному искусству. Среди избранных, по мнению Юдиной, – Бахтин. Он не только слушал, но великолепно слышал и мог высказать свои переживания. Концепция музыкально-полифонического мышления Бахтина выступает «в единстве высшего порядка», а точнее философо-музыкой, предполагающей факт органического эмоциональнообразного взаимодействия, которые автор показал на примере поэтики Ф. М. Достоевского, «на основах художественного контрапункта... Э т о р а з н ы е г о л о с а, п о ю щ и е р а з л и ч н о н а о д н у т е м у». В этой множественности, многоликости и многообразности заключен феномен великого Бахтина и прочитывается поклонение автора книги «пожизненному другу».

Л. Д. Левина (Саранск, Россия). Художник и творчество: проблема ответственности в контексте искусства рубежа XX–XXI вв. Исследуются связи единства искусства и жизни; выявляются проблемы ответственности художника и его произведений перед обществом в контексте трудов М. М. Бахтина. Отмечается, что современное искусство характеризуется большим разнообразием стилевых тенденций. Перемены в развитии искусства стимулировали появление яркой творческой личности, наделенной выраженной индивидуальностью (порой небесспорной), способной создавать уникальные, оригинальные произведения. Несмотря на неизбежность перемен пришедшего «нового искусства», некоторые его характеристики не всегда оправдывают ожидаемое. В условиях неограниченной внутренней свободы действия, порой у творца появляется искушение достичь успеха любой ценой, но при этом порой нивелируется ответственность художника за созданное им произведение перед обществом, а оценка происходящих творческих явлений может быть неоднозначной. В связи с этим как никогда актуальны мысли и слова М. М. Бахтина, обращенные к личности, создающей художественное произведение о том, что искусство и жизнь не одно, но «должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности».

Т. Е. Автухович (Гродно, Белоруссия). Экфрасис как метапоэтика. Автор доказывает, что «сочетание и взаимодействие герменевтического, нарратологического, искусствоведческого, феноменологического подходов к анализу экфрасисов и текстов с экфрасистическими включениями является одним из возможных воплощений идей металингвистики М. М. Бахтина, подтверждающий и демонстрирующий ее универсальный характер». О. А. Кравченко (Тегеран, Иран). Архитектоника возвышенного: от Б. Христиансена к М. Бахтину. Развивая тезис о метакатегоральном потенциале архитектуры возвышенного, автор приходит к следующему выводу: «формой существования возвышенного является не какой-либо жанр или система тропов,

а собственно художественное произведение. Не возвышенное осуществляется посредством художественного произведения, а само произведение является реализацией возвышенного». Этот тезис предполагает то особое понимание художественного произведения как эстетического объекта, которое было высказано Христиансеном и развито Бахтиным.

Т. С. Злотникова (Ярославль, Россия). Автор и контекст: выбор М. М. Бахтина и последующий опыт эстетических исследований. Из дефиниций, которыми М. М. Бахтин «облагодетельствовал» российскую и мировую науку, современные ученые легко и органично пользуются теми, которые еще тридцать лет назад выглядели экзотично: «хронотоп» (не его, но им актуализированный термин), «диалог», «полифония». Для эстетического знания особо важными являются *автор/творец* и *контекст*. Подчеркиваем: эти категории осмысливаются не только в самостоянии, но и в интеграции, что особенно важно. Творец связан с контекстом и детерминирован им. В качестве контекста выступают не только внешние явления, но сам продукт творчества: «Творца мы видим только в его творении, но никак не вне его». Бахтин соотносит индивидуальность автора с созданным им миром героев, а значимость контекста определяется диалогизмом, связывающим автора с миром, в котором он живет и который создает. Однако, естественно, Бахтин не был чужд представлениям о внешнем характере контекстуальности как времени и места пребывания художественного образа: «произведение не может жить в будущих веках, если оно не вобрало в себя как-то и прошлых веков. <...> Все, что принадлежит только к настоящему, умирает вместе с ним», причем в контекст включается временная и культурная вневременность. Поиск контекста – творческий дискурс автора, в этой мысли Бахтин совпадает с К.-Г. Юнгом и другими исследователями. Выбор Бахтина в отношении проблемы «автор и контекст» как эстетически значимой и неустаревающей повлиял (не обязательно со ссылками на классика, но явно и сущностно) на те исследования, которые носят междисциплинарный характер и опираются на эстетическую методологию, как это было у самого Бахтина, будучи обращенными как к широкой культурно-исторической проблематике, так и к локальным культурным феноменам-персонам.

Л. де Паула (Сан-Паулу, Бразилия) и М. А. Вилларта-Недер (Лаврас, Бразилия). Границы между искусством и жизнью: фильм «Сельма» с позиции Бахтина. Докладчики применяют идеи М. М. Бахтина и его Круга об искусстве к современным аудиовизуальным высказываниям. В качестве объекта исследования предлагается фильм «Сельма», описывающий события марша 1965 г. движения за права чернокожих в США. Канва фильма позволяет привлечь к анализу не только эстетические, но и морально-философские идеи Бахтина.

Н. Ю. Лысова (Саранск, Россия). Диалог автора и героя в графической серии А. С. Алешкина «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского». Рассматривается серия литографий «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского» известного мордовского художника, члена Союза художников России А. С. Алешкина в аспекте бахтинских концепций диалога и полифонии. В центре внимания докладчика – анализ диалога автора и героя, «позволивший акцентировать восприятие Достоевского с точки зрения современной художественной культуры».

Д. Хоссейниун (Иран). Открытие Другого: метаморфозы персидского феминистского искусства с середины XX в. до настоящего времени. Рассматривается творчество трех поколений персидских женщин-художниц, работавших с 1950 до начала 2020х гг. Основное внимание уделяется вопросу о том, каким образом концептуальное искусство отражает стремление художниц вернуть себе забытую женственность. Изображая Другого – личность, навязанную женщинам, коллективный портрет раскрывает идентичность персидской женщины как маргинализованного члена общества. Используется методология М. М. Бахтина, прежде всего, карнавальный дискурс, а также постструктуралистский французский психоанализ (анализ женской идентичности как Другого). В результате фрагментированной идентичности в этом анализе Другой выступает как метафорическое клеймо для женщин, лишенных права принимать свою женственность. Основное внимание уделяется персидским художницам, которые должны были существовать и самовыражаться в рамках этой Другости. Постоянное давление цензуры и культурных табу на изображение женщины, полифонический диалог между Я и

Другим наделяет художниц возможностью как сознательно, так и бессознательно выходить за эти рамки. Изображая Другого, они «восстанавливают» себя. Когда людей лишают представления о себе, краски, холст и бумага помогают творческому духу преодолевать пространственные и временные аксиомы, побуждают художниц бунтовать, воплощать и искупать Другого.

Ю. А. Кондратенко (Саранск, Россия) в докладе «**Типы хронотопов в сюжетах балетных спектаклей классического наследия**» отмечает, что каждый отрезок повествования в масштабе большой длительности времени рождает свой тип хронотопа. Такое внимание к частям целого усилило выразительность отдельных хореографических сцен. Хронотоп каждой картины создавал различные уровни пластической напряженности, последовательно собираемые в большое повествование. Благодаря этому конструировалась не простая история героя в застывших во времени обстоятельствах, а динамичная структура с глубокими трансформациями образа героя в контексте большой длительности внешних событий. Отражение реальности человеческого опыта в реальности художественного текста требует интерпретации и толкования возникающего в этом пространстве смысла, который в знаковой (слышимой или видимой) форме искусства после такой интерпретации будет включен в наш опыт. Одним из возможных способов анализа служит процесс проникновения «через ворота хронотопов» в центр «изобразительной конкретизации» всех абстрактных элементов текста и сообщения им художественной образности.

Четвертый раздел – «**ФИЛОЛОГИЯ (ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВИСТИКА)**» – составили заявки исследователей из Бразилии, Италии, Китая, Латвии, Мексики, Польши, России, США.

Т. Чен (Пекин, Китай). К новой интерпретации времени в литературе. Автор предлагает использовать термин «гетерохронос» для обозначения различных темпоральностей, которые стратифицируют одно литературное произведение. Эти «временности» спорят друг с другом, соглашаются друг с другом, сожалеют друг о друге; их взаимоотношения составляют временное целое произведения. Объектом данного исследования является «полихроническая» пьеса С. Беккета «Бандитская жизнь» / «Последняя лента Краппа» (1959–1960).

Д. Бялостоцки (Питтсбург, США). Поэтика высказывания Бахтинской школы в классическом и романтическом контекстах. Показывается, что Круг Бахтина возрождает идеи платоновской поэтики, представленные в «Государстве» и позже отраженные в поэтическом творчестве У. Вордсворта. Бахтинская поэтика высказывания противопоставляется положениям аристотелевской «Поэтики» и близким к ней по духу идеям С. Кольриджа.

И. Денисенко (Москва, Россия). По ту сторону романа: полифония и демократичность в искусстве. Концепт полифонизма трактуется в докладе как отражение демократизма романа. Докладчик пытается показать, что роман – не единственная форма демократического искусства. В выступлении в качестве альтернативы роману предлагается (достаточно неожиданно) поэзия Владимира Маяковского.

С. Прибыловская-Гарса (Мехико, Мексика) Влияние полифонии и хронотопа **Ф. М. Достоевского (в интерпретации М.М. Бахтина) на Вирджинию Вульф.** Английская писательница в своей литературной практике (как М. М. Бахтин в литературной теории) продемонстрировала, что важной чертой романа является способность проявить и показать реального героя в его развитии. В романах Вульф докладчик находит примеры гетероглозии, диалогизма, хронотопов и т. д., делая вывод, что Вульф – не менее яркий представитель полифонического романа, чем Достоевский.

Дж. Ларокка (Мачерата, Италия). Вокруг и внутри Гоголя. **Лев Пумпянский и Михаил Бахтин.** Анализируются взгляды Л. В. Пумпянского и М. М. Бахтина на творчество Гоголя: в частности, исследуются общие моменты размышлений вокруг теории смеха и развития смеховых жанров, что объясняется общим невеликим опытом (1919–1920) в Невельской школе философии.

Т. Филей (Рига, Латвия). Гетероглоссия как способ создания гротеска в

трилогии А. В. Сухова-Кобылина «Картины прошедшего». Исследуя речевые портреты персонажей трилогии, докладчик показывает, что речь всех персонажей писателя – это соединение различных пластов лексики: в одном контексте могут сочетаться церковнославянизмы и библеизмы, разговорные, просторечные и сниженные слова, прецедентные тексты, юридическая терминология и карточный жаргон.

А. А. Небыков (Москва, Россия). Рецепция идей Михаила Михайловича Бахтина в современном литературоведении. Рассматриваются вопросы рецепции идей мыслителя, продуктивное применение и осмысление которых может в самое ближайшее время сформировать новый интеллектуальный дискурс.

Т. А. Алпатова (Москва, Россия). Сентиментализм в историко-литературной концепции М. М. Бахтина. Реконструируя взгляды мыслителя на сентиментализм в литературе, подтверждает мысль о значимости этого явления для позиции ученого в целом. В его основе – ощущение подвижности, «становящейся» природы сентименталистской эстетики, концепции мира и человека, и главное – субъективности, эмоциональной окрашенности, и потому подлинной внутренней подвижности сентименталистского «слова» – столь значимого в «подвижной», динамической системе историко-литературных представлений Бахтина-ученого.

В. И. Новиков (Москва, Россия). Опыт сопряжения бахтинской эстетики и теоретико-литературных идей ОПОЯЗа. Докладчик сосредоточивает внимание на моментах сходства между бахтинской и опоязовской системами. Опоязовский акцент на то, «как сделано» произведение, созвучен бахтинскому принципу «войти творцом в видимое, слышимое, произносимое». Идея «гамбургского счета» (В. Б. Шкловский) по своей сути близка бахтинской идее «ответственности», тыняновское определение литературы как «динамической речевой конструкции» – своеобразный эквивалент бахтинского «эстетического объекта». Можно говорить и о координации опоязовской идеи «противоречия» («отталкивания») с бахтинской категорией диалога.

Н. М. Долгорукова (Москва, Россия). «Бахтин средневековый»: хронотоп таверны во французских и латинских текстах XII–XIII вв. Анализируются средневековые «карнавальные» тексты (латинские и на народном языке), действие которых происходит в *таверне*, т. е. в специфическом «хронотопе», отражающем особенности карнавного мироощущения и поведения людей. Таковы «In taberna quando sumus», «Courtois d'Arras», «Le Jeu de Saint Nicolas», «Trois dames de Paris» и др. Все эти тексты были недоступны Бахтину во время работы над его монографией, но тем убеждают в достоверности его концепции, вскрывающей другой, «неофициальный» коллективный опыт Средневековья.

М. Кузька (Краков, Польша). Поэтический Spolium – поэзия Марии Степановой в аспекте диалогичности и карнавализации. Анализируется стихотворение Марии Степановой «Spolia» в аспекте бахтинских категорий «диалогичность» и «карнавализация».

С. П. Гудкова (Саранск, Россия). Процесс романизации в современной поэзии как объект осмысления отечественного литературоведения и критики. Подчеркивается возрастающая актуальность проблемы романизации, поставленной в работах М. М. Бахтина. Сегодня романизация поэзии видится теоретиками литературы не столько в освоении нового пространства, сколько в определении своего места в новой культурноязыковой реальности с сохранением права оставаться именно поэзией.

В. И. Тюпа (Москва, Россия). Значение бахтинского наследия для современной нарратологии. Отмечая проявление интереса к нарратологической проблематике в трудах М. М. Бахтина с начала 1920-х до первой половины 1970-х гг., докладчик видит значение бахтинского наследия для современной нарратологии в том, что «свою теорию романного жанра Бахтин строил как историческую поэтику романа. Наиболее актуальная перспектива нарратологической науки на сегодняшний день состоит в переходе от чисто теоретической, в немалой степени схоластической нарратологии к нарратологии исторической».

Н. Л. Васильев (Саранск, Россия). О методологии книги М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Утверждается, что в этой книге методологически противоречиво аккумулировались многие идеи М. М. Бахтина, волновавшие его с 1920-х

до конца 1950-х гг. В 1970 г. Бахтин с горечью говорил о том, что в условиях советского идеологического монизма не отразил в монографии о Достоевском (1929; 1963) всю теологическую глубину творчества русского классика, «оторвал форму от главного» (С. Г. Бочаров). Одновременно ученый снова обозначил себя в качестве имманентного философа, причем «не-марксиста» (С. Г. Бочаров, В. В. Кожинов). Уже в предварительных материалах к переизданию книги заметно увлечение Бахтина идеями карнавала, которые он переносит в плоскость поэтики Достоевского, фактически меняя всю методологию предшествующего исследования произведений писателя. В первом издании книги термин карнавал и производные от него лексемы не фигурируют; во втором издании это понятие, бесконечно варьируясь, встречается десятки раз. Соответственно, в «Проблемах творчества Достоевского» имя Рабле вообще не упоминается, а в «Проблемах поэтики Достоевского» оно звучит весьма активно. Иначе говоря, после переключения с «кода Достоевского» (1920-е гг.) на «код Рабле» (1930–1940-е гг.) Бахтин склонен видеть если не буквальное влияние французского автора на русского классика, то, во всяком случае, глобальное воздействие элементов античной и западноевропейской литератур в произведениях последнего. Можно думать, что речь идет не о великом гуманисте, писавшем о трагических разладах души, «униженных и оскорбленных», а о феерической праздничной стихии, воплотившейся в его произведениях. Также делается вывод о влиянии на второе издание книги о Достоевском научных концепций Бахтина, захвативших его воображение в 1930–1950-х гг., в частности, он возводит идеи разрабатываемой им теории «металингвистики» к «школе Фосслера».

Е. Н. Корнилова (Москва, Россия). Хронотоп и карнавал в романе Пера Лагерквиста «Варавва». Рассматривается образная ткань романа лауреата Нобелевской премии (1951), шведского писателя Пера Лагерквиста «Варавва» (1950), близкого к жанру апокрифа, хотя и созданного во второй половине XX в. События библейской истории становятся точкой отсчета для воображения писателя, рисующего характер и судьбу евангельского персонажа, одного из участников сакральных событий, связанных с распятием и воскресением Христа. Для анализа этого мифологического романа автор воспользовался литературоведческим инструментарием, созданным М. М. Бахтиным в работах «Формы времени и хронотопа в романе» в части исследования пространственно-временной структуры романа, и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» в разделе, касающемся архетипа главного действующего лица романа – Вараввы. Созданный Лагерквистом образ выпадает из исторического контекста романа. В античном мире даже среди самых образованных философов нет атеистов. Прославленный Лукиан, противопоставляющий верованиям своего времени кинизм и эпикуреизм, не был атеистом. Варавва не атеист, он агностик, ищущий веру и не находящий ее. Это позиция человека XX в., да еще и достаточно образованного. Разбойник Варавва в силу своего образовательного уровня (даже если допустить, что он сын рабби, то есть учителя) и в силу рода занятий мог молиться языческим богам, демонам и даже властителям преисподней, но агностиком быть не мог. Лагерквист в своей мифопоэтической притче решает проблемы человека XX в. и отвечает на свои собственные экзистенциальные вопросы. Поэтому в Голливуде была осуществлена экранизация романа под одноименным названием.

Ш. Грилло (Сан-Паулу, Бразилия). Библиографические источники понятия «полифония». Автор рассматривает концепцию полифонии, примененной Бахтиным по отношению к творчеству Достоевского, с одной стороны, путем анализа работ литературоведов (Аскольдов, Долинин, Гроссман, Иванов, Комарович), на которых Бахтин открыто ссылаясь в первой главе «Проблем творчества Достоевского», с другой стороны, религиозных философов (Бердяев, Булгаков, Соловьев, Трубецкой, Шестов), которых Боневская (2017) указывает в качестве скрытых источников Бахтина.

А. Филей (Рига, Латвия). Эсхатологическая концептология драмы «Гроза». Драма А. Н. Островского «Гроза» рассматривается автором в контексте древнерусской и русской православной мировоззренческой традиции. Выявление и анализ эсхатологических феноменов, раскрытых в «Грозе», актуализирует смыслы, связанные с апокалиптическим предощущением. Ожидание апокалиптической развязки мотивирует стратегию поведения героев и определяет их этико-психологическую картину мира.

А. М. Шаронов, Е. А. Шаронова (Саранск, Россия). Пространство и время эрзянского и мокшанского героического эпоса в свете учения М. М. Бахтина о хронотопе. Авторы обосновывают идею о том, что пространство в эпосе ассоциируется с местом действия, а время – с временем предполагаемых событий; они в художественном произведении не являются самостоятельными, однако играют важную роль в решении концепции сюжета и действующих лиц, выступают их объективированными характеристиками.

Т. Домингес (Сан-Паулу, Бразилия). «Появление слова» у В. Гумбольдта и В. Н. Волошинова как путь исследования онтологического спора. Рассматривается лингвистическая концепция участника бахтинского кружка В. Н. Волошинова (работа «Марксизм и философия языка»), который является сторонником диалектического синтеза немецкого идеализма в лингвистике (начатого с тезиса Гумбольдта) и современной структурной лингвистики Женевской школы (антитезис). Теория Волошинова была разработана на основе вышеупомянутого критического диалога; в этом смысле идеалистическая философия языка Гумбольдта играет важную роль в бахтинских теоретических исследованиях. Поскольку и Гумбольдт, и Волошинов считают невозможным возникновение какой-либо мысли вне воплощения в лингвистическом материале, теоретики обсуждают основы сознания, которое определяется здесь как совокупность когнитивных действий в целом (память, суждение и т. д.), в соответствии с их исходными взглядами (идеалистическая и марксистская философия соответственно). Таким образом, анализируя теоретический постулат Гумбольдта и Волошинова о возникновении слов, можно установить онтологический спор. Сравняются взгляды Гумбольдта и Волошинова на: 1) процессы возникновения слова; 2) роль сознания в этих процессах; 3) определения слова.

А. Филей (Рига, Латвия). Речежанровый аспект фразовой части «Русской книги» 1568 г. Автор рассматривает приведенные в разговорнике «Ein Rusch Boeck» речевые фрагменты как формулизованные (канонизированные) образцы речевых микрожанров, актуальных для конкретного коммуникативного контекста. Как показано в докладе, русско-немецкие торговые разговорники, составленные иностранцами, концентрируют определенный набор речевых жанров-образцов, которые в совокупности отражают элементы национальной картины мира, характерной как для русских жителей Северо-Западной Руси, так и немецких коммуникантов.

В пятый раздел – «ПЕДАГОГИКА» – включены заявки ученых из Австралии, Бразилии, России, Японии.

Дж. Уайт (Кентербери, Австралия) и М. Джанфада (Мельбурн, Австралия) выступают с темой симпозиума «Диалогический метод для понимания практики: диалогический обмен между дисциплинами». Они считают, что организованный ими симпозиум может стать площадкой для обсуждения понятия «диалогическая методология», его концептуализации и структурирования на междисциплинарном поле. Организаторы симпозиума предполагают поделиться с участниками опытом собственных изысканий в сфере диалогической методологии.

М. Джанфада планирует также отдельный доклад о диалогическом подходе при разработке учебных программ, который основан на сочетании идей М. М. Бахтина с концепцией рабочей программы как взаимодействия, выдвинутой Ван Лайером. Программа в таком понимании должна быть разноголосой, предлагать разные нарративы, позволяющие преподавателю и студентам спорить, создавать и сотрудничать.

А. Л. Гедеш-Пинту (Кампинас, Бразилия) заявила доклад «От разговора учителей-стажеров до высказывания себя как учителя: проблемы на начальном этапе подготовки учителей в Бразилии», в котором будут представлены результаты проекта исследования высказываний студентов педагогических вузов Бразилии о себе, своем опыте, школе и образовании. Анализ высказываний проводится на основе теории диалога Бахтина.

К. Миядзаки (Токио, Япония) выступает организатором онлайн-симпозиума, посвященного влиянию взглядов М. М. Бахтина о диалоге на обучение. Тема раскрывается на материале японской системы образования и здравоохранения. В качестве одной стороны обучающего диалога рассматриваются педагоги, терапевты, воспитатели, а

другой – студенты, пациенты и дети дошкольного возраста. Миядзаки, базируясь на идеях «романной педагогики» Юкио Цукамото, анализирует диалог учителя и студентов, акцентируя внимание на умении учителя выслушать вопросы студентов (в том числе скрытые).

Т. Сатаке (Хоккайдо, Япония) говорит о том, как учитель учится быть диалогичным на примере организации урока не по предварительному плану (монологически), а в процессе выслушивания и реагирования на новые вопросы участников. Предполагается, что такой опыт позволяет учителям переосмыслить свои педагогические взгляды и свою роль как педагога.

Р. Ватанабе (Хамамацу, Япония) рассматривает через призму диалога проблему отношения психотерапевта к пациентам с деменцией. Терапевт в логике диалога должен пытаться выслушать пациентов и выстроить с ними равноправные диалогические отношения.

С. Ногучи (Токио, Япония) анализирует практику взаимодействия воспитателей и детей на примере детского сада с художественным уклоном. Диалог с детьми здесь выстраивается в процессе коммуникации по поводу воображаемого мира, создаваемого детьми.

Ю. Нишимото (Киото, Япония). Педагогически мотивированная архитектура хронотопа: переживание, мимесис, конатус. Докладчик предполагает обсудить, как педагогический хронотоп организован и сконструирован в реальности образования. Мировое образование не требует новой парадигмы, поскольку на современном этапе оно пытается реформировать себя путем продвижения подходов к стандартизации (например, общих навыков XXI в., ключевых компетенций ОСЭР и т. д. Эта тенденция заставляет ученых и практиков рассматривать образование как рецепт решения различных проблем и вызовов в глобализирующемся мире. Таким образом, оно рассматривается как средство достижения чего-то. Противоположностью подобному подходу к образованию является образование, ориентированное на смысл, когда учащиеся и учителя участвуют в открытых процессах смыслообразования в самоорганизующейся образовательной практике. Данный вид образования нуждается в хронотопе. Опираясь на концепции М. М. Бахтина и Л. С. Выготского, автор предлагает три важных термина: переживание, мимесис и конатус, которые возникают из эпистемологии, теории действия и онтологии.

Т. В. Обласова (Тюмень, Россия). «Диалогическая методика» в школьном изучении литературы: цели, содержание, методы. Докладчик утверждает, что кризис чтения, трудности постижения классики современными подростками, неуспехи литературного образования в целом доказывают недостаточность исторически сложившихся в школьной методике преподавания литературы подходов – воспитательного и академического, фактически разведенных по уровням обучения: базовому и профильному. Для выстраивания содержания литературного образования в эпоху «четвертой антропологической революции», придавшей новый смысл идее человека-творца, чьи творческие силы обращены прежде всего на себя («автопроект»), являются продуктивными идеи диалогической герменевтики М. М. Бахтина. Прежде всего, это утверждение диалога, «то есть отношения человека к человеку как отношения актуальных субъектов, как „Я–Ты», «исходной архитектурной структурой человеческого существования», пути самопознания «через Другого» и текста как единственной формы существования «духа» («дух (и свой, и чужой) не может быть дан как вещь, а только в знаковом выражении», и реализация «человеческой специфики человека» возможна в процессе создания текста). В связи с этим требуется расширение круга изучаемых в школе текстов за счет таких, на которых можно продемонстрировать, как Другой понимает Другого. Особое внимание при таком подходе уделяется «диалогически ориентированным» художественным явлениям. Главным результатом подобного изучения литературы «Другого через Другого» является осознание подростком самой возможности полюбить Другого (писателя, поэта), какую-то его мысль, какой-то образ, его взгляд на мир, его способ описания мира и человека, заглянуть в себя и отразить свое восприятие того же самого и через Другого стать самим собой.

К. Ж. Фигерейдо (Гояс, Бразилия). Сопротивление неолиберальным силам в программе обучения второму языку в Бразилии: ответственное учреждение как

диалогическое и деколониальное противодействие. Исследование инициировано личным опытом автора как студентки – представительницы малообеспеченной среды, решившей выступить против неолиберальных течений, с которыми ей пришлось столкнуться в процессе изучения английского языка в 1990-х гг. Исходя из своего опыта, автор с 2014 по 2017 г. проводила исследование особенностей преподавания английского языка бразильским студентам в государственном университете штата Гояс в Бразилии. Цель исследования – выявить отношение студентов, изучающих английский язык, к неолиберальным проблемам XXI в., влияющим на их практику обучения и преподавания. (С какими неолиберальными проблемами сталкивались учащиеся из социально-экономических бедных семей при изучении и преподавании английского языка? Как эти ученики отреагировали на них?) Исследование основано на социоинтеракционистских взглядах Бахтина и его Круга, на концепции языка как социальной практики, диалогического субъекта.

Л. Г. Алмейда э Сильвия Мелло, К. Ж. Фигереди (Гояс, Бразилия). **Диалогические и совместные практики в бразильской государственной школе: исследование процесса чтения и написания литературных текстов на английском языке.** В докладе представлены некоторые результаты докторского исследования Лайсы Габриэлы Алмейда э Сильвия Мелло, проведенного под руководством профессора Карлы Жанины Фигереди, в котором предлагается выявить и обсудить элементы, способствующие пониманию прочитанного и подготовке литературных текстов на английском языке на основе диалогов и совместных практик. Исследование основано на: 1) работах М. М. Бахтина, посвященных диалогической сущности языка и формированию диалогического предмета; 2) социокультурной теории Л. С. Выготского; 3) трудах бразильских авторов по проблемам совместного обучения.

Ф. Разук (Сан-Паулу, Бразилия). **Значение идеологии Михаила Бахтина для научной коммуникации в Бразилии.** Автор ставит вопрос о том, как дискурс связан с конструированием значений в научном образовании. Согласно социально-исторической или социокультурной психологии, ученик играет центральную роль в процессе преподавания и обучения, поскольку он рассматривается как активный субъект. Основное внимание в этой психологии уделяется диалогическим отношениям, возникающим в результате взаимодействия учеников и учеников с учителями. Из той линии социально-исторической психологии, которой придерживаются Бахтин и Выготский, следует, что интеллектуальное развитие учащихся связано с их социальным взаимодействием в процессе преподавания и обучения. В этом смысле важно изучать средства массовой информации, особенно если понимать образование как процесс диалогического конструирования знаний. В повседневной социальной практике учащийся вырабатывает знания об окружающем мире. Это повседневное знание или здравый смысл позволяет ему эффективно взаимодействовать со своей природной и социальной реальностью.

К. Мацуо (Фукуока, Япония). **Мысль, «направленная на другие мысли, идеи, значения»: использование проблемы текста М. М. Бахтина.** Подвергается критике серия официальных дискуссионных уроков иностранного языка, проводимых в условиях внутриязыковой гетероглоссии и полиглоссии, где каждое слышимое слово – на двух историко-естественных/национальных языках – транскрибировалось. Критика демонстрирует, что педагогика, использованная в исследовании, на самом деле представляет собой диалогическую педагогику для обучения иностранному/«lingua franca» языку, основанную на лингвистике и металингвистике Бахтина и реализованную через бахтинскую диалогическую феноменологическую педагогику действия. Также на этой основе анализ актуальных, когда-то возникающих высказываний способен различать и характеризовать то, что составляет диалогическое, более или менее диалогическое и более или менее монологическое высказывание. Более того, то, что изначально кажется монологическим высказыванием, со временем можно расценить как диалогическое. В докладе представлены повторяющиеся диалогические анализы реальных слов в уникальных высказываниях, которые создают «ключевые моменты» на уроках, фотографии с доски, фотографии из современных новостей, рефлексивные отчеты учителя, электронные письма учащихся, отправляемые учителю после каждого урока.

**Materials for the XVIIth International Bakhtin conference
«Mikhail Bakhtin's ideas and challenges of the XXI century:
from dialogic imagination to polyphonic thinking»**

© 2021 N. I. Voronina

*Natalya I. Voronina, Doctor of Philosophy, Professor at the Department
of Culturology and Library and Informational resources,
Director of M. M. Bakhtin Centre at the Mordovia State University.
E-mail: kafkmg@mail.ru*

© 2021 S. A. Dubrovskaya

*Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor of Philological Sciences,
Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language,
Deputy Director of the M. M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

© 2021 I. V. Klyueva

*Irina V. Klyueva, Candidate of Philosophy, Associate professor
at the Department of Culturology and Library and Informational resources,
analyst of the M. M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

© 2021 A. A. Sychev

*Andrey A. Sychev, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
at the Mordovia State University.
E-mail: sychevaa@mail.ru*

N. P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. Ogarev Mordovia State University under the aegis of Head of the Republic of Mordovia announces the XVIIth International Bakhtin conference «Mikhail Bakhtin's ideas and challenges of the XXI century: from dialogic imagination to polyphonic thinking» (Saransk, July 5–10, 2021). To date, a large number of applications for participation in the conference have been received. The article provides an analytical overview of the applications received.

Keywords: M. M. Bakhtin, dialogical imagination, challenges of the XXI century, polyphonic thinking.

М. М. Бахтин на фоне философии экзистенциализма

© 2021 А. А. Сычев

*Сычев Андрей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
E-mail: sychevaa@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Аннотация. Статья представляет собой размышления о книге Н. К. Бонецкой «Русский экзистенциализм» (2021), где в качестве одного из ключевых представителей экзистенциальной философии (наряду с Л. И. Шестовым и Н. А. Бердяевым) рассмотрен и М. М. Бахтин. Автор полагает, что, хотя экзистенциальные мотивы в творчестве Бахтина так же, как и влияние на него С. Кьеркегора, Ф. Ницше и Ф. М. Достоевского, очевидны, его сложно отнести к представителям именно экзистенциализма. Одна из составляющих феномена Бахтина, как представляется автору, выражается в том, что его труды дают возможность для интерпретации этого мыслителя с различных теоретических позиций, но при этом ни к одной из этих позиций его свести нельзя. Соглашаясь с правомерностью анализа его идей с точки зрения экзистенциальных влияний, следует в то же время понимать, что такой анализ по объективным причинам не может не быть частичным и односторонним.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, Н. К. Бонецкая, русская философия, экзистенциализм.

Экзистенциализм возник не в России, но нельзя не признать, что именно здесь он приобрел наиболее узнаваемые черты. Творчески синтезировав концепции С. Кьеркегора и Ф. Ницше с идеями Ф. М. Достоевского, русская мысль на рубеже XIX и XX столетий обозначила ключевые проблемы и модусы существования человека, которые окажутся в центре интеллектуальных споров в Европе и в фокусе интереса западной философии (у М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, А. Камю и др.) лишь через несколько десятилетий.

В новой книге Натальи Константиновны Бонецкой предлагается многостороннее и подробное обозрение основных концепций ведущих представителей русского экзистенциализма, философских источников их идей и, отчасти, путей воздействия этих идей на последующее развитие отечественной и западной философии.

В монографии приводится анализ творчества трех выдающихся русских мыслителей: Льва Исааковича Шестова (1866–1938), Николая Александровича Бердяева (1874–1948) и Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975). При этом, если Шестова и Бердяева традиционно относят к экзистенциальному направлению русской философии, и никаких возражений эта атрибуция не вызывает, то фигура Бахтина в этом ряду выглядит далеко не такой однозначной. С одной стороны, экзистенциальные мотивы в творчестве Бахтина очевидны и существует достаточно обширная литература, в которой проводятся параллели между его философией и теориями другими видными представителями экзистенциализма [4, 5 и др.]. Не менее очевидны влияния на него тех же С. Кьеркегора, Ф. Ницше и Ф. М. Достоевского (с творчеством которых, по собственным рассказам, он был прекрасно знаком с детства [1]). Однако, с другой стороны, Бахтина примерно с той же долей уверенности можно отнести, например, и к представителям философии жизни в ницшеанском ее варианте, марксистского направления, русской религиозной философии Серебряного века и даже тех концепций (в особенности постмодернистской направленности), которые сформировались уже после написания его работ. При этом не все из этих образов ученого сочетаются с духом экзистенциализма. Одна из составляющих феномена Бахтина, как представляется, выражается в том, что его труды дают возможность для интерпретации этого мыслителя с различных теоретических позиций. В этом смысле его сложно признать именно

экзистенциалистом (структуралистом, марксистом и т. д.). Однако нельзя не согласиться и с правомерностью анализа его идей с точки зрения экзистенциальных влияний (понимая, в то же время, что такой анализ по объективным причинам будет частичным и односторонним).

В книге Н. К. Бонецкой три раздела, каждый из которых посвящен творчеству одного из русских экзистенциалистов. В первом разделе представлен анализ философии Льва Шестова. Автор сначала выявляет влияние идей Ницше на концепцию Шестова, затем анализирует особенности его методологии (основой которой она называет герменевтику), рассматривает богословские идеи и завершает обзор разбором шестовской философии бунта против «самоочевидностей», «вечных истин», «всемства» и «синтетических априорных суждений» [3, с. 159].

Бонецкая показывает, что экзистенциализм Шестова отличается попытка самопонимания с опорой на позицию другого. Она отмечает: «В духе Бахтина, можно было бы сказать, что в герменевтической истине звучат два голоса – автора текста и его интерпретатора, – что эта истина диалогизирована» [3, с. 53].

Анализируя произведения Ницше, Кьеркегора, Достоевского, Толстого и многих других, Шестов использует их слова и идеи, прежде всего, для того, чтобы выразить собственный опыт. Говоря словами Бердяева, он «шестовизирует» героев своих текстов, т. е. авторски переосмысливает так, что от оригинальных смыслов их произведений остается не так уж и много. Более того, Шестов нередко интерпретирует чужие идеи (если те не вписываются в его понимание проблемы) в духе, полностью противоположном оригинальному, объясняя нестыковки с помощью достаточно изощренной софистики. В этом сочетании герменевтики и софистики и состоит, по мнению автора, основа методологии Шестова. При этом характерной особенностью этой методологии является попытка столкнуть двух разных авторов (в их числе Толстой и Ницше, Кьеркегор и Достоевский и многие другие). Бонецкая пишет: «Шестовский „герменевтический круг“ можно уподобить двум зеркалам, наведенным друг на друга, создающим эффект взаимообуславливающих бесконечностей» [3, с. 78]. Нельзя сказать, что такая диалогизирующая методология позволяет хорошо понять идеи исследуемого автора (нередко она их искажает до неузнаваемости), но определенно она способствует выявлению неожиданных параллелей, не лежащих на поверхности характеристик, которые без сопоставления разных авторов не были бы столь явными. Нужно отметить, что, хотя Бонецкая достаточно критически относится к опыту прочтения Шестовым своих предшественников, сама она нередко использует схожие диалогические приемы, например, сопоставляя в своей книге Шестова и Ницше, Бердяева и Штейнера, Бахтина и Сартра и интерпретируя их в авторском ключе.

Ярче всего личная позиция автора проявляется во втором разделе, который симптоматически называется «Мой Бердяев». Этот раздел, кроме того, наиболее объемный.

Экзистенциализм Бердяева показан как своеобразный результат его вступления в диалог идей Ницше и Соловьева: «Бердяевский „творческий человек“, действительно, со стороны религиозно-метафизической, восходит к онтологии человека в „теософии“ Соловьева... Но одушевляющий его пафос „созидания“ (а прежде – разрушения), установка на „переоценку“ старых и создание новых ценностей, очевидно, созвучны воззрениям Ницше» [3, с. 211].

В разделе, помимо ницшеанских и софиологических истоков бердяевской философии творчества, рассмотрена тема революции в соотношении с творчеством мыслителя, проводится сопоставление русского экзистенциализма и антропософии и, соответственно, Бердяева и Штейнера. Бонецкая здесь рассматривает Бердяева не столько как философа свободы, сколько как мистика и гностика. При этом многие из поднимаемых ею проблем, прежде всего, гностицизм Бердяева (или, скорее, его неогностицизм), настолько подробно историками русской философии ранее не анализировались.

Третий раздел более эссеистичен. Он стилизован под произведение эпистолярной формы (в духе «Философических писем» Чаадаева) и более разнообразен по содержанию,

чем два предыдущих. Здесь опять же предлагается «двойная герменевтика», с помощью которой сравниваются Шестов и Бердяев, Шестов и Камю, Бердяев и (опять же) Штейнер, наконец русский экзистенциализм и антропософия.

Три главы (точнее, письма) раздела посвящены философии М. Бахтина. Они имеют такие заглавия: «М. Бахтин и Ж.-П. Сартр: две „прозаики“», «М. Бахтин и философия Серебряного века» и «Н. Бердяев и М. Бахтин о Достоевском». Хотя совокупный объем этих текстов сравнительно невелик, Бахтин все же показан как фигура, сопоставимая по величине со своими предшественниками в пространстве экзистенциальной философии (особенно если рассматривать эти главы в контексте монографии Бонецкой о Бахтине [2]).

Автор пишет о месте Бахтина в философии так: «К русским экзистенциалистам я отношу и Михаила Бахтина. Если экзистенциалистом называют создателя диалогической философии Мартина Бубера, то почему не счесть за такового и русского диалогиста Бахтина...? В триумvirате русских экзистенциалистов Бахтин присутствует в качестве равноправного члена» [3, с. 10].

Более того, эта фигура оказывается вполне сопоставимой не только с Бердяевым и Шестовыми, но и с более поздними (и часто очень влиятельными) представителями мирового экзистенциализма. Так, вполне правомерно сближение Бахтина с Сартром. В некоторых моментах они настолько близки, что высказывания одного можно принять за высказывания другого. Учение о свободном поступке как онтологическом основании существования человека, модусах отношения «я» и «другого», сущности индивидуальной ответственности настолько близки по критическому духу, что раннего Бахтина (прежде всего, его нравственную философию) вполне можно читать и понимать через призму Сартра [см.: 6]. С другой стороны, между «Бытием и ничто» и «К философии поступка» существуют и принципиальные различия. Самое яркое и очевидное – в трактовке любви. Если Бахтин объявляет ее основой своей нравственной философии, то Сартр сводит любовь к обладанию и присвоению и, в пределе – к отношениям садизма и мазохизма. Впрочем, и здесь при желании можно усмотреть близость идей Сартра и позднего Бахтина – автора концепции карнавала. По мнению Бонецкой, карнавальность с ее крайней телесностью, амбивалентностью, увенчаниями-развенчаниями вполне можно интерпретировать в духе Сартра.

В письмах о Бахтине впервые подробно рассматривается генетическая связь наследия Бахтина с религиозной философией Серебряного века. В сущности, полагает Бонецкая, все основные идеи Бахтина можно рассматривать как секуляризованную интерпретацию базовых идей, определивших дух этого периода. «Человек – носитель „тайной свободы“ (Блок), образ Божий, у Бахтина смиряется до субъекта этического поступка. Загадочный соловьевский андрогин распадается, после чего эти еще платоновские „половинки“ яйца, разрезанного волосом (см. «Пир»), вступают в незавершимый, „по последним вопросам“, диалог. Наконец, Церковь Христова – а это средоточие интереса Серебряного века – у философского футуриста Бахтина подменяется мистическим организмом карнавала, способного, с помощью дрожжей материализма и относительности, превратить мир в „весёлую преисподнюю“» [3, с. 607]. Базовые концепции Бахтина, таким образом, оказываются вариациями на тему мифологем Серебряного века.

Рассматривая интерпретации Достоевского Бердяевым («Откровение о человеке в творчестве Достоевского», «Мирозерцание Достоевского») и Бахтиным («Проблемы поэтики Достоевского»), автор выдвигает тезис о том, что Бахтин в своей теории полифонического романа предлагает формализацию содержательной трактовки творчества Достоевского, ранее предпринятой Бердяевым (как, впрочем, и другими представителями Серебряного века). Более того, переработка книги «Проблема творчества Достоевского» в духе «карнавализации» также рассматривается как своеобразная интерпретация Бердяева, который полагал, что духовный мир героев Достоевского есть, в сущности, ад. Этот ад, по мнению Бонецкой, вполне соотносим с «карнавальной преисподней» позднего Бахтина.

Интересна идея о том, что ключом к пониманию бахтинского диалогизма и

полифонии может служить феномен круга Бахтина – дружеского философского кружка, разрешавшего в спорах «последние философские проблемы мироздания», где сам Бахтин исполнял роль Сократа.

Монография Бонецкой – не только и не столько историко-философское описание базовых идей русского экзистенциализма, сколько поиск новых ракурсов рассмотрения экзистенциальных идей в процессе их рецепции и творческой интерпретации. Особенностью монографии является достаточно четко выраженная авторская позиция: она оценивает своих героев и полемизирует с ними. Я бы не согласился, например, с однозначно негативно-эмоциональной позицией Бонецкой по поводу карнавала или излишней эстетизацией этики Бахтина. Однако нельзя не признать, что вне такой четкой позиции предлагаемые автором объяснительные модели потеряли бы свою целостность, а многие интересные идеи попросту остались бы незамеченными. Книга провоцирует к размышлениям, а некоторые ее части требуют дополнительного, «второго» (более медленного и вдумчивого) чтения. Как обещает автор, «это поможет нам преодолевать собственное убожество. Можно надеяться, что так, мало-помалу, мы поднимемся к тому уровню, которого русская мысль уже достигла полтора века тому назад».

1. Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М. : Новости, 1996. 378 с.
2. Бонецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М. : Центр гуманитар. инициатив, 2016. 560 с.
3. Бонецкая Н. К. Русский экзистенциализм. СПб. : Алетейя, 2021. 670 с.
4. Ватоллина Ю. В. М. М. Бахтин и Ж.-П. Сартр: «я» / другой, границы рефлексии // Хора. 2010. № 1/2 (11/12). С. 101–111.
5. Зиновьева А. А. Особенности рассмотрения проблемы другого в экзистенциализме: М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. М. Бахтин // Обществ. науки. 2011. № 7. С. 137–145.
6. Сычев А. А. Этика норм и философия поступка // Гуманитар. ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2019. № 2 (30). С. 121–129.

Mikhail Bakhtin in the context of existentialist philosophy

© 2021 A. A. Sychev

*Andrey A. Sychev, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
at the Mordovia State University.
E-mail: sychevaa@mail.ru*

N. P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The article is a reflection on the book by N. K. Bonetskaya «Russian Existentialism» (2021), where M. M. Bakhtin (along with L. I. Shestov and N. A. Berdyaev) is interpreted as one of the key representatives of existential philosophy. The author believes that, although the existential motives in Bakhtin's work, as well as the influence of S. Kierkegaard, F. Nietzsche and F. M. Dostoevsky on him, are obvious, it is difficult to attribute him only to the representatives of existentialism. One of the components of Bakhtin's phenomenon, as it seems to the author, is expressed in the fact that his works make it possible to interpret this thinker from various theoretical positions, but at the same time, he cannot be reduced to any of them. While agreeing with the legitimacy of analyzing his ideas from the point of view of existential influences, one should understand, at the same time, that such an analysis, for objective reasons, would always be partial and one-sided.

Key words: M. M. Bakhtin, N. K. Bonetskaya, Russian philosophy, existentialism.

1. Besedy V. D. Duvakina s M. M. Bakhtinym. M. : Novosti, 1996. 378 s.
2. Bonetskaya N. K. Bakhtin glazami metafizika. M. : Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 560 s.
3. Bonetskaya N. K. Russkiy ekzistentsializm. SPb. : Aleteyya, 2021. 670 s.
4. Vatulina Yu. V. M. M. Bakhtin i Zh.-P. Sartr: «ya» / drugoy, granitsy refleksii // Khora. 2010. № 1/2 (11/12). S. 101–111.

5. *Zinov'eva A. A.* Osobennosti rassmotreniya problemy drugogo v ekzistentsializme: M. Khaydegger, Zh.-P. Sartr, M. M. Bakhtin // Obshchestvennye nauki. 2011. № 7. S. 137–145.
6. *Sychev A. A.* Etika norm i filosofiya postupka // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2019. № 2 (30). С. 121–129.

**Лекции М. М. Бахтина по истории зарубежной литературы
в записи М. А. Бебана
Часть 5**

Публикация, вступительная статья и примечания И. В. Ключевой

© 2021 И. В. Ключева

*Ключева Ирина Васильевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов
Института национальной культуры, аналитик Центра М. М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Аннотация. В публикации представлен фрагмент лекций М. М. Бахтина, прочитанных в Мордовском государственном педагогическом институте (ныне Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева) во втором семестре 1936/37 учебного года и записанных мокшамордовским писателем, одним из родоначальников профессиональной мордовской литературы, в то время – студентом литературного факультета М. А. Бебаном. Фрагмент посвящен рассмотрению истории развития итальянской литературы (Среднее и Позднее Возрождение).

Ключевые слова: М. М. Бахтин, М. А. Бебан, лекции по истории литературы, итальянская литература, Среднее и Позднее Возрождение.

Продолжаем публикацию лекций Михаила Михайловича Бахтина по истории зарубежной литературы в записи студента Максима Афанасьевича Бебана, начатую в № 1–4 журнала «Бахтинский вестник».

Представляемый вниманию читателей фрагмент курса читался Бахтиным весной 1937 г. и был посвящен рассмотрению истории итальянской литературы Среднего и Позднего Возрождения. Лектор дает общую характеристику каждого из указанных этапов развития итальянской литературы и анализирует творчество наиболее крупных писателей.

В разделе «Среднее Возрождение» рассматривается творчество Луиджи Пульчи (эпическая поэма «Морганте»), Маттео Мария Боярдо (поэма «Влюбленный Орландо»), Лудовико Ариосто (поэма «Неистовый Роланд»).

В разделе «Позднее Возрождение» анализируется творчество Торквато Тассо (поэма «Освобожденный Иерусалим»).

Отдельно рассматривается итальянская драматургия (трагедия, ученая (книжная) комедия, комедия дель арте, пасторальная драма). Наибольшее внимание уделяется комедии дель арте. Лектор дает достаточно подробную характеристику ее персонажей.

Как и предыдущие лекции Бахтина, записанные Бебаном, данный текст близок тексту будущей диссертации (а затем и книги) мыслителя о Рабле. Это проявляется, в частности, в следующем:

1. Особое внимание уделяется проблемам комического, смешения серьезного с комическим (юмористическим), перевода образов рыцарских романов в итальянской литературе Среднего Возрождения из куртуазного в комический план;

2. Лектор делает акцент на «маниакальной тематике» (мотиве безумия). Проблема «маниакальной тематики» раскрывается Бахтиным в ранних редакциях рукописи о Рабле (1938–1939 гг.) [1, с. 606, 616, 627, 663, 671], в тексте 1940 г. [1, с. 60, 96], в дополнениях

1944 г. [1, с. 734, 740, 744], в окончательном варианте книги «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [2, с. 387];

3. Поэма Пульчи «Морганте», о которой говорится в лекции, рассматривается в диссертации [1, с. 181, 294, 342] и книге [2, с. 210, 321, 366] Бахтина как один из источников романа Рабле.

Как и при публикации предыдущих частей курса лекций Бахтина в записи Бебана, мы вносим в текст небольшие коррективы: в соответствии с его логикой объединяем или разделяем абзацы; расшифровываем сокращения; вставляем (в угловых скобках) пропущенные студентом, но необходимые по смыслу слова; меняем арабские цифры, используемые для обозначения веков, на римские; в некоторых случаях при обозначении чисел цифровые символы заменяем текстовыми (буквенными); убираем сделанные студентом подчеркивания отдельных слов, фраз и предложений; меняем знаки препинания.

Очевидные орфографические и грамматические ошибки, неверные написания имен собственных исправляются без пояснений. Без оговорок производится замена строчной буквы на заглавную и наоборот (в соответствии с правилами современной орфографии).

Другие внесенные исправления оговариваются в постраничных сносках.

Ниже приводим фрагмент курса лекций Бахтина в записи Бебана, посвященный итальянской литературе Среднего и Позднего Возрождения.

Данте, Петрарка и Боккаччо – первые представители Раннего Возрождения <...>.

«Декамерон» написан на тосканском диалекте итальянского языка.

Влияние «Декамерона» в конце первой половины XV в.

«Гризельда» же стала достоянием всех и влияла на развитие гуманизма.

СРЕДНЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ – XV в.

Меняется идеология и литературное развитие. Снова возрождается куртуазность. Создаются дворы, где развивается куртуазность. Но эти дворы – уже не чисто феодальные, а городских верхов и капитализирующихся феодалов, потому и куртуазность приобретает другой вид.

Рыцарские романы в XV в. живут не только в литературной традиции, но и в устной традиции: жонглер порвал связь с феодалом и стал обслуживать городской народ, он рассказывает на площадях рыцарские романы, поет песню о Роланде, Ланселоте и др. Это происходит в Италии в XIV–XV вв. Землепашцы, приходившие в город на праздники, любили слушать жонглерские рыцарские рассказы. Певцы поддерживаются даже местными властями. Тип народного певца в Италии очень был распространен.

Это возрождение куртуазной рыцарской литературы и рыцарского романа в XV в. пришло по-новому. Например, суровые герои Роланд, Оливьер и другие становятся в городских массах веселыми, к ним певцы подвешивали куртуазность – веселость. В них появился мотив осмеяния рыцарей-феодалов, образы подавались в грубо-сатирических тонах: и Роланд, и Оливьер подавались певцами в комическом тоне, и только образ Карла по-прежнему звучал героически. Этот образ – народный. На первый план выдвигалась авантюра и сказка (конец XV в.). Это народное влияние в устной передаче.

Если Петрарка, Данте и Боккаччо адресовали свои произведения всему миру, то писатели XV в. адресовали их аристократическому двору. Таким образом, проблемность суживается, тема мельчает.

Центральная тема «Морганте» <Луиджи> Пульчи. Изображаются подвиги Роланда, но в ином духе, чем старая песня изображала (феодализм). Герои главные: Морганте, очень характерное иронически-пародийное освещение героя Роланда и др.

Участие всех героев в Ронсевальской битве. Несколько придурковатый могучий богатырь Морганте. Этот герой напоминает древнего героя Геракла: на Пульчи повлиял герой античности.

Маргутта – тоже богатырь, противоположен первому: умен, лжец, хитрец, грешен не только в семи грехах. Маргутта – прообраз шекспировского Фальстафа. Образ «Золотого осла» Апулея и «Сатирикона» Петрония. Эти два героя заслоняют главного героя – Роланда.

Поэма Пульчи – ироническая, подчеркивает небрежный характер ведения рассказа (герой забывает, где остановился в своих рассказах). Параллельные сюжеты – прием позднего рыцарского романа. Пульчи нарочито показывает и высмеивает небрежность в рассказе героя, а небрежность в рассказе очень ценилась в XV в. куртуазными писателями и читателями.

<Маттео Мария> Боярдо. Продолжает тему Пульчи. Он в XV в. пишет поэму «Влюбленный Орландо». Боярдо – представитель феодализма. Родился в 1494 г. Главный герой – сам Роланд. Само название говорит о том, что о Роланде будет идти речь не в тоне XI века (суровость), а *любовь* Роланда – в духе рассказов жонглеров.

Многоэтажность, многосюжетность произведений – рыцарских романов. И небрежный рассказ героя здесь еще больше, чем у Пульчи, высмеивается, нарочито показывается.

Боярдо берет мотив сказочный – зачарование. В Средние века этот мотив – зачарования – был в почете. Это зачарование является основным началом сюжетного построения, при помощи зачарования можно построить композицию произведения как угодно. Но Боярдо зачарование берет не всерьез, а нарочито, высмеивает эту тенденцию, которая присуща рыцарским романам XV в. (зачарование в «Руслане и Людмиле»).

Маниакальная тематика. (Мания – болезнь.) Здесь маниакальность берется как мотив безумия. На маниакальной тематике построен «Дон Кихот», «Гамлет» Шекспира. Цель: показать разрыв идеологии старого мира, новые взгляды на мир. Это маскировка идеологии (все эти рыцари, влюбленность – безумие – так мыслит Боярдо). Функции маниакальной тематики – чисто формальные: для сюжета, для подведения глубоких идеологических платформ (Шекспир в «Гамлете» и Сервантес в «Дон Кихоте»). А в XV в. Эта «маниакальность» была только формальностью.

<Лудовико> Ариосто (1474–1533). Рыцарская юмористическая поэма «Неистовый Роланд». Ариосто продолжает поэму Боярдо, но здесь Роланд сходит с ума. Маниакальная тематика здесь еще ярче. Манера небрежного рассказа у Ариосто приобретает еще лучшую изящность, чем у двух вышеуказанных авторов (Боярдо и Пульчи). Нарочитость небрежного рассказа. Героя подводит до самого интересного места и ставит...¹, а затем переходит не к тому, где кончил, и эта интрига забывания идет, переплетается и пр. В дальнейшем из итальянской литературы вырастает комический² роман-фельетон.

Но рядом с высмеиванием неистового Роланда Ариосто вводит и элегию – совершенно серьезный элемент. Эта черта переключения с юмористического к серьезному и отличает Ариосто от его современников. В «Чайльд-Гарольде» Байрон эту черту воспринял, также и Пушкин в «Евгении Онегине».

Ариосто – замечательный поэт-лирик и в то же время юморист.

Вывод: 1) маниакальность; 2) смешение серьезного с юмористическим; 3) нарочитость в небрежности ведения рассказа; 4) параллельные сюжеты, «многоэтажность» – вот основные явления XV века.

XVI в. – ПОЗДНЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Характеризуется католической реакцией, которая начинается со второй половины XVI в. Средневековый аскетизм не зарождается снова, но католическая реакция попыталась еще раз извлечь свои выгоды (в своей стране – Италии – после поражения католической религии в Германии, Англии и других странах).

Католическая церковь старается приспособить свою идеологию к новым веяниям,

¹ Многозначие поставлено студентом (вероятно, он не понял следующее слово или фразу).

² Студент вместо «комический» ошибочно записывает: «**коммерческий**».

чтобы спасти себя, свой авторитет. К изменившимся условиям было трудно приспособиться, т. к. гуманизм в стране процветал, он даже попал в самую церковь (священники, кардиналы сами читали Боккаччо, погружались в греческих и латинских писателей). Поэтому церковь пошла на некоторые уступки, рассмотрела вопрос о средневековой аскезе:

«Живите вольготно, делайте некоторые грехи, но не делайте ошибки: не отрицайте догмы католической церкви, не идите против папы и церковных служащих». Поэтому против нарушителей основы церкви в романских странах (Италии, Франции, Испании) организовывались инквизиции, свободомыслящие сжигались на кострах. В литературе возникли даже изменения под влиянием реакции.

Тассо (1544–1595). Легенды вокруг биографии Торквато Тассо. Он – излюбленный герой романтиков. Байрон – «Тассо»; <Ференц> Лист в музыке создал образ Тассо. Наиболее несчастнейший поэт в мире. Его отец был придворным поэтом. Он дал сыну прекрасное образование. Торквато Тассо по первоисточникам знал Гомера, Аристотеля. Очень глубоко освоил античную поэтику. Один из лучших знатоков античной литературы.

Жизнь его прошла при дворе Феррары³, при герцогах д'Эсте – род города Феррара. При дворе герцога д'Эсте Тассо сошел с ума. Легенда говорит, что он безумно полюбил Леонору д'Эсте, и герцог объявил его сумасшедшим – и долгие десятилетия <он> сидит в цепях. Но эта легенда неправдоподобна, т. к. Тассо действительно болел циклическим психозом – буйным помешательством, поэтому он ряд лет сидел в изоляции, но освобождался, как только циклы проходили.

Он гуманист, страстно любил телесную, чувственную красоту, и в то же время он подпал под влияние католической церкви. Он колебался между страстной любовью к античной литературе и возвратом к Средневековью. «Освобожденный Иерусалим» был написан, но Тассо думал, что он выступает против католической идеологии церкви (и он был прав!), сам этого не желая.

«Освобожденный Иерусалим». Тассо как поэт-классик. Он считал самым ценным в античной литературе три единства Аристотеля: единство времени, места и действия. Он мечтал о возрождении этого единства античной литературы. Но поэма Аристо «Неистовый Роланд», совсем противоположная взглядам Аристотеля, пользовалась большим успехом. Это положение заставляло задумываться Тассо. Он в своей поэме задумал объединить два начала: позиции Аристо – с многообразием действий, героев, параллелей и прочих композиций – с единством античной литературы: единством действия, времени и места.

Основной замысел – изобразить взятие Иерусалима (крестовый поход). В центре поэмы – осада и взятие Иерусалима. (Ретардируют⁴ – тормозят, задерживают).

Вместо параллелей Аристо Тассо делает свои параллели радиусами, которые все стремятся к центру круга.

Эпизоды: 1. Олинд и Софрония, 2. Танкред и Клоринда; 3. Ринальдо и Армида.

1. Действие происходит внутри Иерусалима. Султан бьет всех христиан, которые будто украли святую икону. Христиан спасают Олинд и Софрония, которые объявили, что икону украли они. Появляется замечательная Клоринда со своим отрядом – так же, как защищать Трою приходит Пентисилея Гомера. (Тассо действует двояко: влияние античности и католической реакции.)

2. Эпизод с самой Клориндой. Два рыцаря – Танкред и Ринальдо – самые популярные образы рыцарской поэзии. Танкред влюбился в Клоринду. Столкновение между мусульманами и рыцарями. Сражение Танкреда с амазонкой Клориндой. Танкред отходит от войны, боясь убить свою возлюбленную в бою.

Армида – прекрасная женщина, волшебница, решает помочь мусульманам. Готфрид Бульонский отказывает просьбе Армиды. Это возмущает рыцарей (здесь влияние куртуазной литературы: поклонение даме⁵). Они (рыцари) решаются помочь волшебнице. Она заводит их в заколдованную рощу. Среди рыцарей – Ринальдо. Осаждать Иерусалим

³ В записи студента: «при дворе Фераров», «при герцогстве Д'Эсте».

⁴ В записи студента: «реторгируют».

⁵ В записи студента: «поклонение перед дамой».

некому. Армида и Ринальдо влюбились. Подлинная любовь – свои интересы противопоставляются интересам общественным. Этот факт – против католической церкви.

Но и Танкред, и Ринальдо решаются победить Иерусалим. Танкред убивает язычницу – любимую Клоринду – и очень страдает. Борьба происходит и между Армидой, и Ринальдо: первая – за язычников, второй – за христиан. Любовные сцены – лучшие места в «Освобожденном Иерусалиме», тогда как чисто католические мотивы бледны. Только античные элементы украшают поэму. Чувственная любовь Тассо проникнута духом глубокого гуманизма, и это – самое главное в произведении.

Представители XVIII в. очень любили Тассо. Все⁶ произведение написано октавами. Пушкин подражал Торкватовым октавам («Домик в Коломне»).

РАЗВИТИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

XV век – начало итальянской драматургии, но расцвет театра относится к XVI в. В XV в. ничего нового не было прибавлено к театру. В XVI в. в театр проникает гуманизм.

1. Трагедия.

2. Ученая (или книжная) комедия.

3. Комедия дель арте.

4. Пасторальная драма. Позже появилась (XVII в.), стоит особняком. Но она создала итальянскую оперу, которая теперь живет (опера), поныне.

Итальянцы попытались возобновить античную трагедию – латинскую, трагедию Сенеки (но не Софокла, Эврипида, Эсхила, т. к. их по-настоящему стали знать в XVIII в. Даже Шекспир пользовался античной трагедией через Сенеку). Наиболее удачная трагедия – это трагедия <Джанджорджо> Триссино <«Софонисба»>.

Ученая комедия была более распространена в XVI в., но не комедия Аристофана (которая была очень политической), а комедия Плавта и Теренция (которые – бытовые, антиполитические). Однако больше пользовалась популярностью комедия Теренция – чопорного, педагогического, а Плавта использовала народная буффонадная комедия дель арте.

Лучший образец книжной комедии XVI в. – комедия Макиавелли. (Макиавеллизм – беспринципность в политике.) Макиавелли написал комедию «Мандрагора». Столкновение двух купцов. Показывается представитель старого патрициата – торговец со старыми, медлительными взглядами (как отец Боккаччо): вера на слово, новшества боится, идет по старому пути. Это представитель старой торговой буржуазии. Противоположный тип – тип новой торговой буржуазии, тип буржуа с новыми взглядами на вещи (власть денег, которая пришла на смену родовитости). Эта комедия как крупнейший памятник гуманистической драматургии.

Комедия дель арте – уже не подражательная. Это знаменитая комедия, исполняемая актерами-профессионалами. В Италии впервые актеры-профессионалы появляются в XVI в. Раньше были не актеры, а гистрионы, жонглеры (или скоморохи), исполняющие пьесы на площадях. Актеры же второй половины XVI в. – гуманисты.

Отличительные черты комедии дель арте.

1. Комедия дель арте исполнялась путем импровизации, текста постоянного не было (первоначально).

2. Комедия масок. Маски имели большое значение. Маски были стандартны, поэтому и роль была стандартна.

3. Буффонада – резкое комическое преувеличение и комические трюки пантомимического характера.

4. Смешение языков – диалектов.

5. Большое место занимают в комедии музыка и пляска.

Маски. Маски характеризуют определенные типы. Их 10.

1. Два старика. Первый старик – Панталоне, второй – доктор. Первый тип – динамический, очень много двигался, второй – статический, т. е. менее подвижный, но зато много говорил. Панталоне – венецианский купец, а доктор – болонец.

⁶ В записи студента: «Свое».

2. Вторая пара масок – дзанни: два слуги. Первый – динамический, второй – пассивный. Эта пара уходила своими корнями еще в античную литературу (Плавт), но на почве XVI в. приобретает новый характер. Слуги двигают всю комедию. Дзанни – излюбленные живые фигуры публики итальянской. Если первая пара оставалась неизменной на протяжении двух веков, то вторая пара масок-типов часто дополнялась игрою актера. Слуги ведут всю интригу: первый создавал эту интригу – он ловкий, умный, хитрый, второй же изучал его интригу – он дурковат, малоподвижен. Первый влюблен сам в служанку и ведет главную интригу: обманывает старого хозяина – Панталоне. Вторым дзанни – Педролино (а во Франции XVIII в. получает имя Пьеро) – комическая фигура. Они оба – крестьяне, но первый отесан в городе, второй – неотесан, он еще деревенщина. Вторым дзанни тоже влюблен, но ему не везет.

Арлекин, Пульчинелла – два мировых имени второго дзанни. Пульчинелла в Неаполе здравствует и поныне. Он перешел в кукольный театр, а у нас он – Петрушка. Предки их – очень древние. Арлекин – еще более знаменитый, он необычайно оборван; Арлекин, Пьеро и сейчас живы во Франции. Арлекину не везет с Коломбиной, он страдающий паяц⁷. Арлекин также имеет фаллический нос.

Вторая пара дзанни играла тоже в масках.

Третья пара – любовники. Молодые люди высшего света – городского общества. Они влюблены в молодых девушек. Первый – динамический, второй – пассивный, статический. Первый энергичен, страстен, тверд, второй – нежен, меланхоличен. Они играли уже без масок, как и все последующие.

Четвертая пара – любовницы. Первая – нежная, мечтательная, вторая же сама ведет наступление на мужчин.

Говорят они уже на тосканском диалекте итальянского языка. Актеры и актрисы эти были культурные люди.

Последняя пара – уже не в паре. Одна из них – «серветта» (служанка), молодая, очень динамическая девушка – соответствует первому дзанни. Франческа и Коломбина – ее наиболее распространенные имена.

Последний персонаж – Капитан, потомок Хвастливого воина. Он – обязательно испанец. В фигуре Капитана высмеивается Испания, которая в XVI в. оккупировала Италию. Речь его сделана на испанский манер. Это маски. Итальянская комедия дель арте вошла в европейскую драматургию: XVII–XVIII вв. и до наших дней.

Импровизация. Сценарий не предусматривал речь актера. Они дают только канву для действия, без развязки. Сами актеры создавали интригу. Итальянцы – лучшие импровизаторы. Италия имеет почву для импровизации. (Адам Мицкевич поража́л Пушкина своей импровизацией.) Пьеса репетировалась. (Кончетти – заранее заготовленные отрывки актера: признание в любви, остроумные замечания и т. д. Таким образом, актер имел большой запас.)

Комическая буффонада – комизм доводился до высшей степени путем острой карикатуры. Карикатурные фигуры – это дзанни, капитана и первой пары. Трюки занимали слишком много места, они, в конце концов, заслоняли содержание пьесы.

Многоязычие: дзанни обычно были крестьянами из Бергамо, язык которых – особенный, как и сюсюкающий венецианский диалект. Комедия многоязычная (*comedia delle arte*).

Портативность – не требующая сцены.

Пасторальная драма. Коротки. Действующих лиц 3–4. Хор обязателен. Исполнялась в домах богатых людей города. Пастораль – зерно будущей оперы, но опера вышла не непосредственно из пасторальной драмы. Речитатив – рассказ в песне, под музыку. Этот речитатив был создан еще в Древней Греции.

Винченцо Галилей написал первую арию оперы – «Жалобу Уголино» (из «Божественной комедии»). В XVII в. опера созрела. Она вышла из итальянской оперы

⁷ «Арлекин, Пульчинелла – два мировых имени второго дзанни... Арлекину не везет с Коломбиной, он страдающий паяц» – оговорка лектора или ошибка записи. Ранее в тексте лекции «вторым дзанни» называется Педролино (Пьеро). Арлекин – имя первого дзанни. «Не везет с Коломбиной» не Арлекину, а Пьеро. Страдающий паяц – это не Арлекин, а Пьеро.

второй половины XVI в.

Торквато Тассо писал лучшие пасторали («Аминта» Тассо).

1. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Яз. славян. культур, 2008. Т. 4 (1). 1119 с.

2. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Яз. славян. культур, 2010. Т. 4 (2). 752 с.

**M. M. Bakhtin's lectures on the history of foreign literature
recorded by M. A. Beban
Part 5**

Publication, introductory article and notes by I. V. Klyueva

© 2021 I. V. Klyueva

*Irina V. Klyueva, Candidate of Philosophy, Associate professor
at the Department of Culturology and Library and Informational resources,
analyst of the M. M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

N. P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The paper presents a fragment of M. M. Bakhtin's lectures as he read at the Mordovia State Pedagogical Institute (now N. P. Ogarev Mordovia State University) in the second semester of the academic year 1936/37. It was recorded by M. A. Beban – a Moksha-Mordovian writer, one of the founders of the professional Mordovian literature, that days – a student of the Faculty of Literature. The fragment includes the consideration of the theme «The history of Italian literature (Middle and Late Renaissance)».

Keywords: M. M. Bakhtin, M. A. Beban, lectures on the history of Western European literature, Italian literature, Middle and Late Renaissance.

1. Bahtin M. M. Sobr. soch. : v 7 t. M. : Yaz. slavyan. kul'tur, 2008. T. 4 (1). 1119 s.

2. Bahtin M. M. Sobr. soch. : v 7 t. M. : Yaz. slavyan. kul'tur, 2010. T. 4 (2). 752 s.

Данте, Петрарка и Токкатто - пер.
представители раннего Возрождения
(14 в.). "Декамерон" написан на тоск.
канском диалекте итальянского яз.
Византизм, дек = в конце 14 в. венец.
придвор. не была до конца всех и
влияла на ит. развитие гуманизма.

среднее Возрождение - XV в.

меняется идеология и ит. развитие.
снова возрод. куртуазность. Создан
новый двор, где развивается куртуазность.
но эти дворы уже не феодалов
а городских верхов и катя интерпретация
феодалов, ит. развитие куртуазность приос.
преж. другой вид; рыцарские романы
в 15 в. не только в ит. традиции
традиции, но и в герм. традиции,
монтер порвал связь с феодалом
и стал обслуживать городской ка-
ред, от ит. рассказ на площадях
рыцарск. роман, коей песню о рыцарстве
лакею и пр. Это происходит в

XVI век - Позднее Возр.

Характеризуется карлсбургской реакцией, к-рат начинается со 2-й полов. XVI в. Средневековая аскетизм не - зарождался снова, но карлсбург. реакция популяризирует раз извещения в том, что в своей стране играли после поражения Карлсбург. в Германии, Англ. - фр. сур.

Карлсбург. стараясь приспособить свои идеологии к новым условиям, чтобы спасти себя, свои авторитеты к изменчивым условиям было вынуждено приспособиться, но р. к. гуманизм в Европе провозглашал даже покаяние в своем церков. (символизме, Кордильерах, самизит. там как катис, популяризм в Европе, катис и латинск. писателя).

Позднюю гуманизм церков. была пришла на некотор. уступки, рассматривала вопрос в средневековой аскезе. живите аб-вотро, не давайте некоторые грехи, но не делайте никаких ошибок: не отрицайте догмат католической церкви, не идите против папы и церковных служителей. Позднюю против протестантской основы церкви в романских странах (Италия, Франция, Испания) организовывали и анкавизм, свобода и свободу мысли на косяк раз. в литературе возникли грехи из непереносимости внешнего реакция

Массо (1544-1595) легенда. Вокруг
его имя. Мориса Массо. Он из-
вестный перс по чашкам; патрон
"Массо", мусульмане создали образ
Массо. Наиболее интереснейший мусуль-
манский мир. Это отец был предводителями
мом. Он дал своим прекрасное образование.
Массо Мориса М. по первоисточникам
мал. По мере, триста лет. Остаток мусульман
автоматически пострадал. Один из мусульман
мусульманский мусульманский.

Массо его армия при дворе фераров,
при персидском дворе. Д'Эск, род персидского
ферара. При дворе персидского Д'Эск Массо
сочетал с ума. Легенда говорит, что он
по безумию полюбил Персидского Д'Эск, и
персидский обещал его счастливой и богатой
жизнью. Судя по легенде. Но эта легенда
не правдоподобна, Г. К. Массо действительно был
болен и имел много психических заболеваний. Судя по
его письмам, он был в состоянии, но освободился
от него, как только чужие приходили.

Он уманился, сурово любил Персидского
и был в состоянии красоты и в то же
время он пострадал от болезни. Картина
его жизни. Он колебался между сурами
и любовью к азиатской культуре и
к европейской. Средневековью. "Освобожденный
персидский" был написан, но Массо думал,
что он был в состоянии, что картина и его
полюбили (и он был прав), сам это не
мечтал.

Освобожденный персидский. Массо как
персидский. Массо как персидский. Он
был в состоянии в азиатской культуре

Землетрясения Аристотеля: единство вре-
мени, места и действия. Он не мог не при-
ступить к рассмотрению этого единства ан-
тичной литературы. Но подма Аристотеля
и Кембриджского университета, совсем прозвонно-
показывая Аристотеля, похвалая
его большим талантом, что положе-
ние заставило задуматься о Массе, он
объясняет подма задумав обведе-
ние два патала: абзичи Аристотеля
с многообразием действий, в рас-
парачленен и против кооперации с
единством античной литературы: един-
ством действия, времени и места.

Основной замысел - изображение взе-
тия Иерусалима (Крестовый поход).
В центре подмы: осада и взятие Иеру-
сейской крепости - Иерусалим, задерживаясь.

Вместо парачленен Аристотеля Массе
делает свои парачленен радиусами, к-рые
все шире идут к центру круга.
Эпизоды: 1. Олимп и Савропи, 2. Танкред
и Клодинда, 3. Рикардо и Ар-
мидра.

1. Действие происходит в Иерусалиме.
Сцена без всякой критики, к-рые будто
кроме святой иконы. Крестовый поход
Олимп и Савропи, к-рые объявляют
что икону украли они по объявлению
негазетная Клодинда со своим ору-
жием, также как задерживает Иеру-
сейскую крепость Массе действующей
факто: влияние античности и Като-
лической реакции).

Эмиль с сапожником Клодиндой. Оба рязаря
Манкрет и Ринальдо - сапожники пошаря
не обрали рязарской иудии. Манкрет
входит в Клеппеду. Сроки посылки
между мусульманами и рязарями.
сражение Манкрета с амазонкой Клодиндой
Эмиль Манкрет выходит от войны богу
убито свои возлюбленную в войну.

Арианда - прекрасная женщина, вое-
водина, решает помочь мусульманам
в победе над ~~мусульманами~~ христианами.
Тот же Клодиндой Клодиндой
Арианда. Это возмущает рязарей - все
внешне буржуазной литературы - но не
неме перед собой. Они - рязари - решают
идти в войну. Она заводит
в войну заколот. Рязари, Клодиндой
язарей и ринальдо. Осомидой Клодиндой
несколько. Арианда и Ринальдо в войну
поклонная война - мусульманская война
свои интересы против христианской и христиан-
ской общины. Это франки против като-
лической церкви.

то и Манкрет и Ринальдо решают
побеждать Клодиндой. Манкрет убивает
Клодиндой - убивает Клодиндой и отца
* умирает. Парва умирает и мусуль-
Арианда и Ринальдо, первая за Клодиндой
Ков, Арианда за христиан. Мусульмане
убивают мусульман с. Осомидой и Клодиндой.
Арианда как женщина католическая убивает
мусульман. Мусульмане убивают
христианскую родину. Убийство мусульман
мусульмане убивают христианскую
убивают мусульман и это самое убийство
Арианда убивает.

предположи 18 в. осл. новини Тассо.
Своє історичне написання антиквізму
Туркватором і антиквізмом
Тассо ("Роман в Римі")
2 Розвиток італійської дра-
матургии.

15 в. - початок італійск. драматур-
гического розвитку театру. Починає
к XVI в. В XIV в. негось новий не
було привнесено в драматургію. В XVI в.
в драматургії італійської драматургії.

- 3 Історична драматургія:
1. Трагедія
 2. Чужа іли князівська комедія
 3. Комедія дель арте
 4. Пасторальна драма, поже на-
вмач (17 в.), сучасна історія. Поже
создала італійську оперу, к-ра
перша література - опера - поже.

Вражда історична в історичній драматургії
історична (історична, історична
Сенекі), поже создала, історична
історична, т.к. іх поже історична драм-
атургія в XVI в. Даме Алексіс
поже історична історична історична
Сенекі.

Найбільше історична історична, що
історична історична.

Чужа комедія була більш
распространена в XVI в. поже ко-
медія Аристофана, к-ра була перша
історична, а комедія Плавта і
історична, к-ра була перша, історична
історична.

отличит. черты по лицам

1. Давидов (Давидов).

1. Комедия "Давидов" и по и так и по
тем и по провозачит, режисра по проан.
кого не было (первоначално)

2. Комедия масок; маска и не м.
басов. знат.: маскам были стандартны
по проан и по рол были стандартны.

3. Буржуазия - резкое политическое
преувеличение и комит. трюки
на трюмическом характере

4. Семейная эзиков-гублеров.

5. Больше масок замечательна по проан
музыка и пляска.

2 Маски, маски характеризуют очередь.

семейные типы. 1-10.

1. Давидов, 1-й - проан пантомиме, 2-й

доктор. Картины динамический, дейс-
ство богатая, бурж - суровый, ре-
шес по проан, по проан и по проан.

2. Вторая пара масок: гзакни - два сур.

1-й - динамический, 2-й - пассивный. Два сур.

и уяснила больше картин еще в

антимиче интерпретацию (Плав) по проан

на по проан XVII в. приобретенный по проан

Характер. Сурти достигают всю по проан

она гзакни из по проан и по проан

фигуры выбушки и трагичной. Были первая

пара отавача кезиенный на проан

2-й век, то буржуазия пара масок-типов

тако допознала широту азуса.
Суди ведуть всю антирчу: I - создава
антирчу, он ловкий, убит, митри,
бури, ме широту его антирчу, он др
панован, маю поворужен. Тервни в ноб
лен сам в широту и ведуть главную
антирчу: обманываю старого хозяина,
св создаю панталоне. Второй зданни-
наз. пероритно, а во фр. 18 в. по мурат
мне пероритно. Фигура, они оба
представ, по пер. он так в широту, 2 -
кострхан, он еще деревенщина. 2 - зданни
поже выходи, по мурат ведеть.
Армении, Тульские - иже в широту
иже в широту зданни. Тульские же
в ксанте зданни, а панталоне. Он же
реши в широту, а у нас он - Пей-
рушка. Армении иже в широту, он же
Армении еще более зна ленив, он же
быстро обарван, Армении, пероритно и сего
лишь в широту. Армения не ведеть с
коломбикой. Он - широту, а у нас.
Армения же иже в широту, а у нас.
2 - пара зданни широту же в широту.
3 - пара - тобовника. Нождте мои
всего широту - широту, а у нас. Он же в широту,
иже в широту, а у нас. 1 - дика митри,
иже в широту, а у нас. Первн энергия,
2 - пасивный, широту. 2 - же, митри, а у нас.
иже в широту, а у нас. 2 - же, митри, а у нас.
они широту иже без нас, как и ве
последующие.
4 - пара - тобовника. 1 - же, митри, а у нас.
иже в широту, а у нас. 2 - же, митри, а у нас.
иже в широту, а у нас.

[Пасторальная драма.] Корюки. Гвейс-
ма 3 ч. хор обозначен. исполняется в
формах богатых модой города. Пастораль-
зерно дружит опера, но опера была не
кенисреспубликанско из пасторальной драмы.
Ретинар-роскав. в песне под музыку. Этот
рецидив был сдан еще в др. время.

Викенто Теннелл написал 1^ю оперу
опера - мало бы что много (из. Бач. Кант.
В. I. F. опера сошла. она была и) урба.
Яской опера. Ворот по XVI в.

Парквар Массо - масса - другие пастораль.
"Амико" Массо.

Затонский Дмитрий Владимирович

© 2021 С. А. Дубровская

*Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М. М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии».

Ключевые слова: Д. В. Затонский, М. М. Бахтин, «Вопросы литературы и эстетики», научная биография, издательская история.

Затонский Дмитрий Владимирович (02.07.1922, Одесса – 07.06.2009, Киев, Украина) – литературовед, литературный критик, прозаик. Доктор филологических наук (1967), член-корреспондент (1969), действительный член (1990) АН Украинской ССР (с 1994 – Национальная АН Украины).

Отец – видный советский партийный и государственный деятель В. П. Затонский (1888–1938). В 1937 г. он был арестован, в 1938 г. расстрелян как враг народа.

С 1939 г. Д. В. Затонский – студент филологического факультета Киевского государственного университета (отделение западноевропейских языков и литератур). Учеба была прервана войной, по окончании которой он продолжил службу в советской военной администрации в Германии.

В 1950 г. Затонский завершил обучение в Киевском университете. После защиты в 1956 г. кандидатской диссертации до 1961 г. преподавал в ряде украинских вузов. 1960–1961 гг. – декан филологического факультета Киевского государственного университета. С 1962 г. и до конца жизни Затонский связан с Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко НАНУ. В 1974–1975 гг. – заведующий отделом зарубежной литературы в ИМЛИ АН СССР им. А. М. Горького. С середины 1970-х – 1980-е гг. – член редколлегии журнала «Вопросы литературы». С 1986 г. – заведующий отделом мировой литературы в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко.

Основные научные интересы Затонского были сосредоточены на истории западных литератур, прежде всего немецкоязычных (Австрия, Германия). Статьи ученого о Ф. Кафке, Р. Музиле, о современном западном романе, эстетической специфике модернизма внесли значительный вклад в понимание и переоценку художественных достижений зарубежных писателей в 1960–1980-е гг. В последние десятилетия активно занимался проблемами постмодернизма, исследовал состояние западной литературы на рубеже XX–XXI вв. Особая роль в научных поисках Затонского была отведена роману как ведущему жанру современной литературы, что проявилось в разработке им концепции «центростремительного романа».

Бахтин был знаком с работами Затонского. Их заочный диалог завязался в начале 1960-х гг. с чтения Бахтиным статей ученого в «Вопросах литературы» (экземпляры журнала, принадлежавшие мыслителю, сохранили его карандашные пометы на полях статей младшего современника) [6, с. 199–120].

В контексте интереса Затонского к роману очевидно его внимание к трудам Бахтина, особенно касавшихся романного жанра. В бытность свою сотрудником ИМЛИ предположительно по просьбе С. Г. Бочарова и В. В. Кожина совместно с Г. М. Фридлендером выступил внутренним рецензентом сборника «Вопросы литературы

и эстетики». Бахтинская рукопись сохранила приметы живого диалога рецензента с автором [см. подробнее: 3]. Текст внутренней рецензии послужил основой для отклика Затонского на вышедшую в 1977 г. книгу в журнале «Вопросы литературы», позднее перепечатанном под названием «Последний труд Михаила Бахтина» в книге статей Затонского «В наше время. Книга о зарубежных литературах XX века».

В нем автор высоко отзывался о значении идей Бахтина для современного литературоведения, акцентируя внимание на их несомненной актуальности: «Основные сочинения М. Бахтина не устарели не только как „следы эпохи“, но и как участники современного, даже самоновейшего литературоведческого, эстетического поиска.

Благодаря своим монографиям о Достоевском и Рабле М. Бахтин стал за минувшие десять – двенадцать лет широко известен и в нашей стране, и за рубежом как один из наиболее интересных, самобытных историков и теоретиков литературы. Нет никакой необходимости обосновывать в целом значительность его идей, широту знаний, исключительную меткость наблюдений» [4, с. 406].

Особо значительными для рецензента представлялись взгляды Бахтина на роман, этапы его исторического развития: «Даже если бы рассматриваемая статья (имеется в виду статья „Эпос и роман“. – С. Д.) представляла собою единственную у М. Бахтина теоретическую работу о романе, – подчеркивает Затонский, – его вклад в разработку поэтики жанра был бы значительным» [4, с. 410]. При этом литературовед не всегда проницателен: оставаясь в плену своих представлений, он не смог адекватно оценить масштаб «Проблем формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве», полагая эту статью исключительно репликой в давно закончившемся споре с «формальной школой»: «Статья, открывающая сборник, представляется мне в чем-то устарелой <...> работа в целом организована как спор с русскими формалистами. Жаль, что в свое время она так и не увидела свет на страницах заказавшего ее журнала „Русский современник“, ибо у наших формалистов, сдается мне, не было более серьезного и оригинального оппонента. Но сегодня – когда позиция относительно русского формализма так или иначе объективно выяснена и общая его теория признана несостоятельной – исследование, построенное вокруг ниспровержения этой давно уже не существующей школы, естественно, не выглядит вполне актуальным. Кроме того, тема работы „Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве“ стоит в рецензируемой книге несколько особняком: ведь все остальное здесь связано с жанром романа» [4, с. 408].

В 1980–2000 гг. Затонский не раз будет обращаться к работам Бахтина, обнаруживая в них мысли, созвучные его собственным исканиям, и используя их в качестве дополнительных аргументов для своих историко- и теоретико-литературных построений.

Соч.: Прием и метод // Вопр. лит. 1963. № 4. 166–177; Кафка без ретуши // Там же. 1964. № 5. С. 65–109; Об эстетике, поэтике, литературе // Там же. 1977. № 4. С. 254–263; А был ли Франсуа Рабле ренессансным гуманистом?... Опыт «постмодернистской» интерпретации «Гаргантюа и Пантагрюэля» // Там же. 2000. № 5. С. 208–234; Век двадцатый : заметки о лит. форме на Западе. Киев, 1961; Герой и автор : Судьба реализма в соврем. зарубеж. лит. М., 1962; Мир, человек, общество. М., 1963; Франц Кафка и проблемы модернизма : учеб. пособие. М., 1972; Искусство романа и XX век. М., 1973; Зеркала искусства : ст. о соврем. зарубеж. лит. М., 1975; В наше время : кн. о зарубеж. лит. XX в. М., 1979; Европейский реализм XIX в. : Линии и лики. Киев, 1984; Австрийская литература в XX столетии. М., 1985; Модернизм и постмодернизм : Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств : (От сочинителя Умберто Эко до пророка Екклесиаста). Харьков, 2000.

1. Белобратов А. В. Затонский Дмитрий Владимирович // Русские литературоведы XX века : биобиблиогр. словарь. Т. 1 : А–Л / под общ. ред. О. А. Клинга и А. А. Холикова. М.; СПб. : Нестор-История, 2017. С. 341–342.

2. Волощук Е. Шлях Кризь XX століття (до 85-річчя Дмитра Затонського) // Вікно в світ.

2007. № 1.

3. Дубровская С. А., Лунина И. Е. «...На вечное хранение...»: Несколько замечаний к издательской истории книги М. М. Бахтина «Вопросы литературы и эстетики» // Центр и периферия. 2020. № 4. С. 60–63.

4. Затонский Д. В. Последний труд Бахтина // Затонский Д. В. В наше время: кн. о зарубеж. лит. XX в. М., 1979. С. 404–415.

5. Зверев А. М. Затонский // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Совет. энцикл., 1978. Т. 9. Стб. 311.

6. Ключева И. В., Лисунова Л. М. М. М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск, 2010. 468 с.

Zatonsky Dmitry Vladimirovich

© 2021 S. A. Dubrovskaya

*Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language, Deputy Director of the M. M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

N. P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia.
Keywords: D. Zatonsky, M. Bakhtin, Questions of literature and aesthetics, scientific biography, publication history.

Любимов Николай Михайлович

© 2021 С. А. Дубровская

*Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М. М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии».

Ключевые слова: Н. М. Любимов, М. М. Бахтин, Ф. Рабле, научная биография, издательская история.

Любимов Николай Михайлович (20.11.1912 – 22.12.1992, Москва) – переводчик с французского, испанского, итальянского языков, писатель, литературовед, редактор серии «Библиотека всемирной литературы».

Окончил московский Институт новых языков (1933), работал в издательстве «Academia». В 1933–1937 гг. отбывал ссылку в Архангельске, в 1941 г. был реабилитирован. С 1940-х гг. – член редакционного совета издательства «Художественная литература». С 1942 г. – член Союза писателей СССР. Редактор переводов собраний сочинений испанских и французских классиков (В. Гюго, А. Доде, П. Мериме). За художественный перевод, участие в разработке и осуществлении научных принципов издания 200-томной «Библиотеки всемирной литературы» награжден Государственной премией СССР (1978). По оценке Е.Г. Эткинда, «для переводческого метода Любимова характерно разнообразие интонаций, богатый словарь, широкое использование русской идиоматики и просторечия, свободное владение стилями русского языка, а также историзм в подходе к языково-стилистическим явлениям» [10].

Начал печататься в 1947 г. (переводы произведений Г. Мопассана, М. Сервантеса, Г. Флобера, Мольера, А. Доде, М. Метерлинка, М. Пруста и др.). Особенно значителен по своим литературным достоинствам перевод книги «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле (1961, полностью издан в 1973). Как отмечал в 1962 г. откликнувшийся на издание Е. Эткинд, «Русский читатель получил нового Рабле. Впрочем, это не совсем точно сказано. Не столько „нового“, сколько „первого“» [8, с. 268].

В первой половине 1940-х гг. был среди тех, кто первым прочитал работу Бахтина о Рабле. В двух письмах к М. В. Юдиной в январе 1945 г. Бахтин, надеявшийся в это время издать свою книгу о Ф. Рабле, обсуждая вопрос о возможных путях в различные издательства, пишет «хорошо бы посоветоваться об этом с <...> Николаем Михайловичем Любимовым» [1, т. 4 (1), с. 949].

В 1962 г. Н. М. Любимов вместе с В. В. Виноградовым и К. А. Фединым подписал письмо в защиту «Рабле», цель которого в скорейшем продвижении «Проблем поэтики Достоевского» в «Советском писателе» и «Творчество Франсуа Рабле» в Гослитиздате. Письмо было опубликовано в «Литературной газете» (23 июня 1962 г.) под заголовком «Книга, нужная людям». В этот же день В. В. Кожин сообщил Бахтину: «Давно не писал Вам – все дожидался, пока опубликуют письмо о Вашем „Рабле“ в „Лит. (ературной) газете“ (сегодня, наконец!). Долго задерживали всякие типы. Это письмо важно тем, что теперь книга о Достоевском пройдет без сучка и задоринки. А вторая – еще посмотрим. Во всяком случае, интриги противной Книпович сорваны» [1, т. 4 (2), с. 635].

Письмо, действительно, сыграло свою роль в деле продвижения издания книги о Рабле, ведь именно на него опирались Г. А. Соловьева, С. П. Гиждеу, С. Л. Лейбович при обращении к и. о. директора Гослитиздата А. И. Пузикову 24 ноября 1962 г.: «После опубликования в „Литературной газете“ № 74 от 23 июня 1962 года письма за подписью академика В. В. Виноградова, членов Союза советских писателей К. Федина, Н. Любимова, – читаем в докладной записке, – редакция литературоведения и критики связалась с тов. Бахтиным, вскоре приславшим нам свою монографию о романе Ф. Рабле „Гаргантюа и Пантагрюэль“» [1, т. 4 (2), с. 651]. Однако только в мае 1965 г. вышло «Редакционное заключение» на рукопись: «Толчком к тому, чтобы редакция заинтересовалась этой работой, – писала старший редактор Софья Лейбович, – послужило открытое письмо ак. В. В. Виноградова и писателей Н. Любимова (переводчика Рабле) и К. Федина («Литературная газета» 23 июня 1962 г.), а затем и отзывы оппонентов диссертации – академиков Тарле, Алексеева, Смирнова, Дживелегова, Томашевского» [1, т. 4 (2), с. 684–685].

Вышедший в 1961 г. перевод книги «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле Любимов подарил Бахтину, надписав: «Михаилу Михайловичу Бахтину – в знак глубочайшего уважения Н. Любимов. Москва. Июль 1962» [7, с. 177]. 5 июля 1962 г. в письме к редакторам Г. А. Соловьеву и С. Л. Лейбович, приложенном к посылке с рукописью книги о Рабле, Бахтин, оговаривая внесение необходимых поправок, специально упомянул перевод Любимова: «Книга моя, выполненная около двух десятилетий тому назад, нуждается, конечно, в известном обновлении и в дополнениях. Кроме того, придется дать в примечаниях перевод всех иноязычных текстов, внести некоторые пояснения, местами улегчить изложение, использовать новый перевод Н. М. Любимова и т. п. Но сущность книги останется неизменной» [1, т. 4 (2), с. 637].

Известно, что Бахтин сразу откликнулся на «прекрасный дар»: «Примите мою глубочайшую благодарность за подаренную мне книгу, – писал он 24 июля 1962 года Любимову, – но прежде всего за тот чудесный перевод Рабле, который Вы подарили России! Вы сделали огромное дело. Рабле до сих пор был нам, в сущности, совершенно чужд. И этот серьезный пробел ощущается повсюду. Этим в значительной мере объясняется известная *односторонняя серьезность* всей нашей культуры и литературы. Мы не получили прививки раблезианского смеха (и стоящей за ним великой карнавальной культуры). Отсюда, в частности, и узкое, мелко-сатирическое понимание Гоголя (и одностороннее развитие гоголевской традиции в литературе). Отсюда и господствующее у нас какое-то *хмурое* истолкование Пушкина, „веселый разум“ которого сродни Рабле (Пушкин существенно всего связан с традициями карнавальной культуры романских народов). Я глубоко убежден, что Ваш Рабле в этом отношении сыграет очень большую и плодотворную роль. Разумеется, я не успел еще прочитать всего перевода, но я просмотрел ряд эпизодов, которые считал особенно трудными для перевода, и был прямо поражен Вашей исключительной творческой удачей. И – главное – повсюду я слышал подлинный неповторимый тон Рабле» [1, т. 4 (2), с. 639–640]. (Курсив М. М. Бахтина. – С. Д.)

В письме он не только писал о своем восхищении творческой удачей переводчика, но и благодарил Любимова за подписанное обращение: «Я очень хорошо помню нашу единственную встречу и ту любезную помощь, которую Вы тогда оказали мне в моих переговорах с редакцией Гослитиздата. И теперь Ваше участие в письме в „Литературную газету“ и Ваш перевод окажут мне неоценимую помощь в деле продвижения моей книги о Рабле. За все это приношу Вам свою глубокую благодарность.

Совершенно уверен, что в ближайшем будущем мы с Вами увидимся.

С глубоким уважением и любовью

М. Бахтин» [1, т. 4 (2), с. 639–640].

Высокая оценка перевода, данная в письме, была развернута Бахтиным и вошла в первую главу книги «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и

Ренессанса» (1965). Завершая обзор советской раблезистики, Бахтин подчеркнул: «Выход в свет этого перевода – событие большой важности. Можно сказать, что русский читатель впервые прочитал Рабле, впервые услышал его смех. Хотя переводить Рабле у нас начали еще в XVIII веке, но переводили, в сущности, только отрывки, своеобразие же и богатство раблезианского языка и стиля не удавалось передать даже отдаленно. Задача эта исключительно трудная. Создалось даже мнение о непереводаемости Рабле на иностранные языки (у нас этого мнения придерживался А. Н. Веселовский). Поэтому из всех классиков мировой литературы один Рабле не вошел в русскую культуру, не был органически освоен ею (как были освоены Шекспир, Сервантес и др.).

И это очень существенный пробел, потому что через Рабле раскрывался огромный мир народной смеховой культуры. И вот благодаря изумительному, почти предельно адекватному переводу Н. М. Любимова Рабле заговорил по-русски, заговорил со всею своею неповторимой раблезианской фамильярностью и непринужденностью, со всею неисчерпаемостью и глубиной своей смеховой образности. Значение этого события вряд ли можно переоценить» [1, т. 4 (2), с. 156–157].

Соч.: Книга о переводе: сб. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2012; Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний: в 3 т. М.: Яз. славян. культур, 2000–2007.

1. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари; Яз. славян. культур, 1996–2012. Т. 1–6.
2. Вильмонт Н. Русский Рабле: [О качестве худож. перевода кн.: Рабле Ф. Гargantua и Pantagruel] // Иностранная литература. 1962. № 7. С. 242–244.
3. Любимов Б. Н. Действо и действие. М.: Яз. рус. культуры, 1997. Т. 1. 520 с.
4. Маркиш С. Интонации русского Рабле // Мастерство перевода, М., 1964. С. 134–156.
5. Пашков А. В. Любимов Николай Михайлович // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2161580>
6. Рассадин С. Б. Советская литература: Победенные победители. М., 2006. 361 с.
7. Собрания инскриптов на изданиях из личной библиотеки М. М. Бахтина./ авт.-сост.: И. В. Ключева, Н. Н. Земкова; науч. ред. Н. И. Воронина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.
8. Эткинд Е. Новый Рабле // Новый мир. 1962. № 2. С. 268–271.
9. Эткинд Е. Из какого материала делаются книги? // Тетради переводчика. М., 1963. С. 27–41.
10. Эткинд Е. Г. Любимов Н. М. // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Совет. энцикл., 1967. Т. 4. С. 475.

Lyubimov Nikolay Mikhailovich

© 2021 S. A. Dubrovskaya

*Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language, Deputy Director of the M. M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

N. P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia.
Keywords: N. Lyubimov, M. Bakhtin, F. Rabelais, scientific biography, publication history.

Невель

© 2021 В. И. Лаптун

*Лаптун Владимир Иванович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического
университета им. М. Е. Евсевьева.
E-mail: vil60@rambler.ru*

Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева.
Саранск, Республика Мордовия, Россия

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии».

Ключевые слова: М. М. Бахтин, Л. В. Пумпянский, М. В. Юдина, Невельское научное общество, «Искусство и ответственность».

Невель – город (с 1772 г.) в России, административный центр Невельского района Псковской области. Составляет муниципальное образование «Невель» (со статусом «городское поселение» – в границах города). Расположен на берегу озера Невель, в 242 км к юго-востоку от Пскова. Население – 16,3 тыс. чел. (2010).

Город Невель в разное время принадлежал Московскому и Литовскому княжеству, Речи Посполитой и Российской империи. Только 18 мая 1772 г. в результате первого раздела Речи Посполитой местечко Невель окончательно вошло в состав Российской империи. В 1778 г. был утвержден план города, а в 1781 г. – его новый герб.

В 1910 г. в Невеле проживало 17 003 человек, из них мужчин – 7 667 и женщин – 9 336. Православных и старообрядцев – 4 248 (25 %), католиков – 422 (2,5 %), евреев (иудеев) – 12 333 (72,5 %). В городе насчитывалось 4 православных церкви, 1 костел, 15 синагог, 3 православных часовни. В Невеле действовали 1 больница, 3 аптеки, 88 аптечных магазинов, а также 3 библиотеки, типография, типолитография, 5 гостиниц, 7 постоянных дворов, 2 ресторана, 3 харчевни, 3 буфета, 14 пивных лавок и винниц. Учебных заведений было 6, в их числе – частная женская гимназия [см. подробнее: 7].

С 1918 по 1920 г. в Невеле жил и работал Михаил Михайлович Бахтин, переехавший сюда из Петрограда в начале лета 1918 г. По словам Бахтина, он был приглашен в Невель одним из его ближайших друзей философом и литературоведом Львом Васильевичем Пумпянским, который находился в Невеле на военной службе. «Там вообще было прелестное место. <...> Там он всех знал, его все знали, – вспоминал спустя много лет Бахтин. – Он приехал как раз в Петроград, где был голод, есть было почти нечего. И вот он уговорил меня поехать туда в Невель к нему: там можно и заработать, и там питания сколько угодно и так далее. Так я и сделал. Это было в 18-м году» [4, с. 151–152].

Бахтин устроился на работу в Невельскую единую трудовую школу 2-й ступени в качестве преподавателя истории, социологии и русского языка. Вскоре вокруг него сложился кружок друзей-единомышленников – Невельское научное общество. Михаил Михайлович вспоминал: «Притом там (в Невеле. – В. Л.) своеобразная вещь была, тоже для тех лет характерная: было создано Невельское научное общество („Кантовский семинар“. – В. Л.). Но это была не игра, вовсе нет. Председателем его был, между прочим, я». В состав общества также входили Л. В. Пумпянский, поэт и музыковед В. Н. Волошинов, пианистка М. В. Юдина, поэт, скульптор, археолог Б. М. Зубакин, химик Г. А. Колубакин, философ М. И. Каган. «Мы очень часто совершали большие прогулки, – вспоминал Бахтин. – Невель, окрестности Невеля исключительно хороши вообще, и город прекрасный. Он стоит на озерах, это как бы озерный край. Озера и

окрестности совершенно чудесные. Мы совершали далекие прогулки, обыкновенно, значит: Мария Вениаминовна (Юдина. – В. Л.), Лев Васильевич (Пумпянский. – В. Л.), иногда кто-нибудь еще, – и во время этих прогулок вели беседы. Я помню, я им излагал даже, ну, начатки своей... нравственной философии, сидя на берегах озера так в верстах... должно быть, километрах десяти от Невеля. И даже это озеро мы называли озером нравственной реальности» [4, с. 268–269].

Следует отметить, что в Невеле Бахтин вел достаточно активную общественно-просветительскую деятельность. Вместе со своими друзьями он активно участвовал в диспутах на различные темы, а также выступал с публичными докладами. В частности, 27 ноября 1918 г. Михаил Михайлович вместе с Л. В. Пумпянским принял участие в диспуте на тему «Бог и социализм», который состоялся в Невельском народном доме им. К. Маркса. Как позднее отмечала местная газета «Молот»: «Диспут был открыт в 8 часов вечера, но уже в 6 часов был наполнен не только зрительный зал, но и все боковые комнаты, коридоры и лестница. Слушающих было не менее 600 человек» [2, с. 147]. Надо отдать должное смелости Пумпянского и Бахтина, не побоявшихся выступить оппонентами огромной массе атеистически настроенных людей. Конечно же, силы были неравны и, судя по заметке в газете, они потерпели «фиаско». Тем не менее, диспут вызвал живой интерес у собравшихся и продолжался более шести часов.

Наиболее насыщенным временем общественно-просветительской деятельности Бахтина в Невеле являлся 1919 г. В апреле он принимал участие в диспуте на тему «Искусство и социализм», в мае – «Христианство и критика» (выступление с докладом «Об отношении Фридриха Ницше к христианству»), а также читал лекцию «О смысле жизни» в народном доме им. К. Маркса. Тогда же, в мае 1919 г., Бахтин вместе с Пумпянским осуществлял руководство масштабной постановкой под открытым небом трагедии «Эдип в Колоне» Софокла. В заметке «Постановка спектаклей под открытым небом», вышедшей в местной газете «Молот» 27 мая 1919 г., сообщалось: «Внешкольным подотделом ведутся подготовительные работы по постановке под открытым небом греческой трагедии Софокла „Эдип в Колоне“. К участию привлечены учащиеся трудовых школ города и уезда, числом свыше 500. Специально для пьесы пишутся декорации и костюмы художника Гурвича. Постановкой руководят знатоки Эллады и Греции гр. Бахтин и Пумпянский. Мимические сцены под руководством балерины Гольдиной, специально приглашенной из Москвы, музыкальной частью ведают преподаватели Невельской музыкальной школы Юдина и Стрельман» [2, с. 150].

В июне Бахтин участвовал в диспуте «О смысле любви» и выступил с докладом на вечере, посвященном памяти Леонардо да Винчи («Мировоззрение Леонардо»); в июле он сделал доклад на торжественном открытии Невельской научной ассоциации; в августе – на литературно-художественном вечере, посвященном 15-й годовщине со дня смерти А. П. Чехова, прочитав лекцию о личности и творчестве великого русского писателя, а также принял участие в диспуте «О русской культуре» с докладом «Русский национальный характер в литературе и философии».

Лекторский талант и высокий уровень гуманитарной подготовки М. М. Бахтина, безусловно, не остались незамеченными со стороны местных руководителей народного просвещения. Так, в сентябре 1919 г. ему было дано ответственное поручение – прочитать цикл лекций по истории литературы для работников искусств [см. подробнее: 3, с. 52–59]. В декабре же, в местной газете «Молот» можно было прочитать объявление, в котором сообщалось, что «в непродолжительном времени в г. Невеле открываются бесплатные литературно-художественные курсы под руководством М. М. Бахтина. На курсы принимаются граждане обоего пола от 14 лет, безусловно, грамотные» [6, с. 2].

Примечательно, что именно в Невеле в сентябре 1919 г. в альманахе «День искусства» вышла в свет и первая публикация М. М. Бахтина – предельно краткая, но исполненная глубокого смысла статья «Искусство и ответственность» [1].

В 1920 г. Михаил Михайлович продолжал заниматься просветительской деятельностью: в июне он прочитал цикл лекций по русскому языку для членов Союза работников просвещения и социалистической культуры.

Невельское научное общество просуществовало недолго – вскоре его участники

разъехались по разным городам России. Осенью 1920 г. покинул Невель и Бахтин: он перебрался в столицу губернии – г. Витебск.

1. *Бахтин М. М.* Искусство и ответственность // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари; Яз. славян. культур, 2003. Т. 1. С. 5–6.
2. Газета «Молот» (1918–1920) / сост. и коммент. Л. М. Максимовской // Невельский сборник. СПб.: Акрополь, 1996. Вып. 1. С. 147–158.
3. *Конкин С. С., Конкина Л. С.* Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 400 с.
4. М. М. Бахтин : Беседы с В. Д. Дувакиным. М. : Согласие, 2002. 400 с.
5. *Махлин В. Л.* «Систематическое понятие» (заметки к истории Невельской школы) // Невельский сборник. СПб. : Акрополь, 1996. Вып. 1. С. 75–88.
6. Молот. 1919. 22 дек.
7. Невельская старина : сб. материалов по истории Невеля, XVI – нач. XX в. / авт.-сост. Л. М. Максимовская. СПб. : Акрополь, 1993. 190 с.
8. *Николаев Н. И.* М. М. Бахтин в Невеле летом 1919 года // Невельский сборник. СПб. : Акрополь, 1996. Вып. 1. С. 96–101.

Nevel

© 2021 V. I. Laptun

Vladimir I. Laptun, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev.

E-mail: vil60@rambler.ru

Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseveva.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia
Keywords: M. Bakhtin, L. Pumpyansky, M. Yudina, Nevel Scientific Society, «Art and Responsibility».

Фосслер Карл

© 2021 В. П. Киржаева

*Киржаева Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.*

E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Аннотация. Публикация представляет словарную статью, подготовленную для «Бахтинской энциклопедии».

Ключевые слова: научные работы К. Фосслера, научное наследие М. М. Бахтина.

Фосслер (Vossler) Карл (06.09.1872, Хоэнхайм, Германия – 18.05.1949, Мюнхен) – немецкий филолог и философ языка, специалист в области романских языков и литератур. Родился в семье директора Сельскохозяйственной академии. В 1890-е гг. изучал французскую и итальянскую литературу и романские языки в ряде немецких и европейских университетов (Тюбингенский, Женевский, Страсбургский, Римский, Гейдельбергский). С 1902 г. – профессор Гейдельбергского университета, с 1909 г. – Вюрцбургского, в 1911–1937 гг. и 1945–1947 гг. – Мюнхенского. Ректор Мюнхенского университета в 1926–1927 гг. и в 1946 г. В 1937 г. был отправлен в отставку по подозрению в политической неблагонадежности.

Испытавший значительное воздействие идей В. фон Гумбольдта, Фосслер в своих многочисленных трудах пытался сохранить цельность филологического знания, решая проблемы языка и стиля писателей с осознанным использованием методов и приемов литературоведения. На протяжении всей жизни работал над изучением и переводом «Божественной комедии» Данте.

Как указывает В. М. Алпатов, связывая «языкознание и литературоведение с философией и историей культуры, Фосслер, называвший свой подход эстетическим идеализмом, резко критиковал позитивистское языкознание, в т. ч. младограмматизм, рассматривавший язык „как нечто данное и завершенное“ <...> в отличие от Гумбольдта, считавшего первичным „дух народа“ и подчеркивавшего коллективный характер языка, исходил из первичности индивидуальности, стремясь исследовать „человеческий дух с его неистощимой индивидуальной интуицией“. Хотя некоторые компоненты языка, прежде всего фоне- тика и морфология, заданы, каждый человек обладает индивидуальным стилем и через стиль творит свой язык; стиль может проявляться не только в лексике, но и в интонации, иногда в синтаксисе» [2].

Среди учеников и последователей Фосслера – Л. Шпитцер, В. Клемперер, В. Краусс, О. Лерх и др.

Для Бахтина и его круга «школа Фосслера» представляется одним из важнейших направлений современной западной философско-лингвистической мысли. Как справедливо указывают комментаторы Собрания сочинений Бахтина, «развитие так называемой „герменевтической логики“ в 1920–1930-е гг. в Германии (Г. Миш, Г. Липпс) и позднее (Г. Г. Гадамер, О. Ф. Больнов, Ф. Роди) может рассматриваться в качестве аналога бахтинской философии выражения, подобно тому как в плоскости лингвистики и филологии наиболее близким (хотя и критически воспринятым) аналогом бахтинской теории выражения и высказывания стала, как известно, так называемая школа Фосслера, в центре которой, как отмечал М.М.Бахтин, находится категория выражения как „высшая и общая“» [3, т. 1, с. 564].

Идеи Фосслера и его последователей оказываются одним из элементов общей

концепции социологии языка и литературы, которая нашла выражение в «Формальном методе в литературоведении», «Марксизме и философии языка», «Проблемах творчества Достоевского», сопутствующих статьях и подготовительных материалах. Особенно показательны в этом смысле хранящиеся в архиве Бахтина конспекты работ Фосслера, описание которых дается в комментариях к тому: «В тех же тетрадях (а также в нескольких других, несомненно, того же времени – второй половины 20-х гг., и также рукой Е. А. Бахтиной и, видимо, кроме того, Н. М. Бахтиной, сестры автора) – конспекты философско-лингвистических работ (К. Фосслера, Э.-Р. Курциуса, А. М. Пешковского, Г. Г. Шпета и др.), относящиеся, видимо, к параллельной подготовке книги М<арксизм> <и> Ф<илософия> Я<зыка> (вышла в январе 1929)» [3, т. 2, с. 432].

Оценивая общее состояние европейского языковедения в статье «Новейшие течения лингвистической мысли на Западе», опубликованной в 1928 г., Бахтин впервые предпринял попытку обозначить место Фосслера и его школы. Этот материал, практически без изменений, вошел отдельной главой в книгу «Марксизм и философия языка». В ней Бахтин, осмысливая ситуацию в Европе и ее отражение в советской лингвистике, констатирует: «Насколько школа Фосслера не популярна в России, настолько популярна и влиятельна у нас школа Соссюра. Можно сказать, что большинство представителей нашей лингвистической мысли находятся под определенным влиянием Соссюра и его учеников». Для него самого гораздо ближе идеи Фосслера и его последователей, объективный анализ которых он проводит в книге: «Очень часто можно услышать обвинения Фосслера и фосслерианцев в том, что они скорее занимаются вопросами стилистики, чем лингвистикой в строгом смысле слова. В действительности, школа Фосслера интересуется вопросами пограничными, поняв их методологическое и эвристическое значение, и в этом мы усматриваем огромные преимущества этой школы. Беда в том, что в объяснении этих явлений фосслерианцы, как мы знаем, на первый план выдвигают субъективно-психологические факторы и индивидуально-стилистические задания. Этим иногда язык прямо превращается в игрище индивидуального вкуса». Подобная позиция привела к тому, что Р. О. Шор в рецензии на книгу причислила ее автора к активным фосслерианцам.

Созвучная мысль о важности идей Фосслера для нового понимания речевой коммуникации прозвучала и в «Формальном методе в литературоведении»: «Необходим тщательный и трудный анализ различных типов речевых выступлений и соответствующих форм высказывания во всех сферах жизненного общения и практики, чтобы можно было говорить о функциях языка в том или ином типе коммуникативной конструкции. При этом придется все время учитывать все социальные особенности общающихся групп и всю конкретную сложность идеологического кругозора – понятий, верований, нравов и пр. и пр., – в пределах которого строится каждое жизненное высказывание. Современная лингвистика только теперь начинает подходить к этим труднейшим вопросам речевого общения в школе Фосслера и в школе философа Бенедетто Кроче» [6, с. 104].

Нет сомнений, что фосслерианское понимание индивидуальности слова и стиля писателя нашло отражение в том опыте построения стилистики автора «Бедных людей» и «Братьев Карамазовых», который предпринимает Бахтин в «Проблемах творчества Достоевского», хотя прямые отсылки к школе Фосслера в книге отсутствуют. В «Слове в романе», создающемся на этапе перехода Бахтина от социологической поэтики к «социологической стилистике», напротив, он не просто ссылается на работы фосслерианцев, но вступает с ними в активную полемику, отчасти развивая идеи, высказывавшиеся им в предшествующих работах. Полагая, что «сведение стилистического явления к индивидуализации языкового явления одинаково характерно для двух крупнейших лингвистических школ современности: для „Женевской школы“ Фердинанда де Соссюра (Байи, Сешэ) и для школы Карла Фосслера (Лео Шпитцер, Лерх и др.), как ни различны эти школы в понимании самого языкового явления и в методах конкретного стилистического анализа», он возражает против ограничения сферы

стилистики исключительно сферой индивидуального стиля. Фосслерианцы, с его точки зрения, «стоят на почве последовательного философского идеализма и индивидуализма в понимании языка и стиля. <...> В стилистическом явлении они ищут прежде всего прямого и непосредственного выражения авторской индивидуальности, а такое понимание менее всего благоприятствует пересмотру основных стилистических категорий в нужном направлении. Идеалистический индивидуализм в философии языка и стиля не способен разрешить проблему романного слова. Именно на романном слове с особой яркостью обнаруживается узость и неадекватность идеалистического языкознания и поэтики действительной жизни слова» [3, т. 3, с. 20].

Заметную роль уже воспринятые и переосмысленные идеи школы Фосслера играют в процессе формирования общей концепции бахтинского исследования о Рабле, хотя здесь гораздо большее значение для автора имеет Л. Шпитцер. Несмотря на отсутствие прямых отсылок к Фосслеру в книге о Рабле, «фосслеровский подтекст» в ней очевиден для специалиста. Как полагает И. Л. Попова, «резюмируя взгляды школы Фосслера на язык Рабле, разумнее всего ссылаться на работы Лео Шпитцера и отчасти самого Карла Фосслера, на Фосслера уже потому, что ему принадлежит расширительно-метафорическая привязка слова „карнавал“ к Рабле: „лексический карнавал“ („lexikalischer Karneval“) Рабле. Или, в переводе Бахтина, – „карнавал слов“. Именно с этой заковыченной цитаты, автор и источник которой, впрочем, не указаны, начинается один из первых сохранившихся набросков к будущей книге: „Идея карнавала. Стилистический облик Раблэ как ‘карнавал слов’“» [7, с. 227–228].

Еще одним подтверждением важности идей Фосслера для Бахтина в 1940-е гг. становится появление его имени в статье «Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе»: «Стилистическая грамматика (и ее основа: лингвистическая стилистика) лучше всего разработана во Франции. Научные основы ее были заложены в трудах школы Фердинанда де Соссюра (Байи, Сешей, Тибоде и др.). Имеются прекрасно разработанные пособия для школьной практики. В Германии этими вопросами занималась школа Фосслера (Лео Шпитцер, Лорк, Лерх и др.)» [3, т. 5, с. 141].

Интерес Бахтина к проблеме речевых жанров в начале 1950-х гг. вновь обращает его к наследию школы Фосслера. Он, видимо, отметил и полемику, развернувшуюся в 1944 г. на страницах американского журнала «Лэнгвидж» между Л. Шпитцером и Л. Блумфилдом, определенную известным советским лингвистом Г. О. Винокуром в соответствии с духом и терминологией того времени как спор между воззрениями современного американизированного позитивизма с четким механико-материалистическим уклоном и воззрениями прямолинейного идеализма с уклоном в субъективизм.

Упоминания Фосслера и Шпитцера достаточно часты (в сравнении с другими именами) на страницах рукописей «Проблема речевых жанров» и «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках». Подводя своеобразный итог своему многолетнему диалогу с Фосслером в «Дополнениях и изменениях к „Достоевскому“», ученый пишет: «Мы охарактеризуем здесь ряд явлений, которые уже давно привлекали внимание литературоведов, занимавшихся вопросами стилистики (а также и лингвистов, некоторых, например, школы Фосслера). С нашей точки зрения, фосслерианцы занимались не столько строго лингвистическими, сколько металингвистическими проблемами, т. е. изучали явления не в системе языка, а в формах их живого функционирования в различных областях культуры (преимущественно художественных). Явления эти, если их изучать по существу, т. е. как явления диалогической природы, выходят за пределы строгой лингвистики, т. е. металингвистичны» [3, т. 5, с. 356].

Соч.: Die Göttliche Komödie. Heidelberg, 1925. 2. Aufl. Bd. 1–2; Эстетический идеализм : Избранные работы по языкознанию. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.

1. Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Яз. славян. культур, 2005. 432 с.
2. Алпатов В. М. Фосслер // Большая российская энциклопедия. М.: Большая рос. энцикл., 2017. Т. 33. С. 497.
3. Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари; Яз. славян. культур, 1996–2012. Т. 1–6.
4. Вентцель Т. В. Фосслер // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Совет. энцикл., 1975. Т. 8. Стб. 70.
5. Киржаева В. П. Лингвистическая проблематика в книгах, статьях и набросках М. М. Бахтина. Статья первая // М. М. Бахтин в Саранске: док., материалы, исслед. Саранск: [Б. и.], 2002. Вып. 1. С. 36–55.
6. Михаил Михайлович Бахтин. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: ст. М.: Лабиринт, 2000. 625 с.
7. Попова И. Л. Книга М. М. Бахтина о Рабле в контексте идей школы Фосслера (к постановке проблемы) // Новый филол. вестн. 2005. № 1. С. 224–233.
8. Шор Р. О. [Рец.] // Рус. яз. в совет. шк. 1929. № 3. С. 149.

Fossler (Vossler) Karl

© 2021 V. P. Kirzhaeva

Vera P. Kirzhaeva, Doctor of Pedagogics, Professor of Chair of Russian language.

E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

N. P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The publication presents a dictionary article prepared for the Bakhtin Encyclopedia.
Keywords: scientific works of K. Fossler, M. M. Bakhtin's scientific legacy.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ЛЕОНИДОВИЧА ВАСИЛЬЕВА
(25.07.1955 – 23.05.2021)

23 мая 2021 г. после тяжелой болезни скончался Николай Леонидович Васильев – выдающийся филолог, лингвист, литературовед, доктор филологических наук, профессор, член Союза журналистов Российской Федерации (1989), Союза писателей Российской Федерации (1994), заслуженный деятель науки Республики Мордовия (2017), автор более 700 научных, научно-популярных и учебно-методических работ.

Николай Леонидович Васильев – потомственный филолог. Он родился в семье Леонида Георгиевича Васильева (1924 – 2002) – кандидата филологических наук, члена Союза писателей СССР, доцента Мордовского государственного педагогического института им. А. И. Полежаева (ныне – Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева), с 1948 г. работавшего на кафедре русской и зарубежной литературы, которой до 1961 г. руководил Михаил Михайлович Бахтин. (Леонид Георгиевич – единственный официальный соавтор Бахтина.) Мать Николая Леонидовича – Р. М. Васильева – много лет проработала учителем русского языка и литературы в средней школе.

С 1974 г. молодой ученый вел исследования под руководством профессора П. Г. Черемисина, являвшегося учеником академика В. В. Виноградова. В 1977 г. Николай Леонидович окончил филологический факультет Мордовского государственного университета. С 1977 г. – аспирант, заведующий кабинетом русского языка, преподаватель кафедры русского языка. С 1978 г. обучался в целевой очной аспирантуре при Горьковском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (руководитель – заведующий кафедрой истории русского языка и сравнительно-исторического славянского языкознания профессор Н. Д. Русинов; консультант – заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания профессор Б. Н. Головин).

С 1981 г. Н. Л. Васильев работал на кафедре русского языка МГУ им. Н. П. Огарева (в 1985 – 1987 гг. исполнял обязанности заведующего кафедрой). Читал учебные курсы «Современный русский язык», «История русского литературного языка», «Общее языкознание; История языкознания», «Математические методы в лингвистическом исследовании» и др. В 2001 – 2011 гг. по совместительству вел курс русской литературы и спецкурс по литературному краеведению на кафедре литературы Мордовского государственного педагогического института (ныне – университет) им. М. Е. Евсевьева. Проходил стажировки в МГУ им. М. В. Ломоносова (1987), Институте лингвистических исследований РАН (2013, 2016).

В 1981 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Научная лексика в литературном творчестве А. С. Пушкина», в 1994 г. – докторскую диссертацию «Поэзия А. И. Полежаева в контексте русской литературы» (научный консультант – профессор А. А. Илюшин); в 1990 г. получил звание доцента, в 1996 г. – профессора.

Основные направления исследований профессора Васильева: история русской классической литературы и литературно-художественного языка, теория языка, русистика, писательская лексикография, история советской филологии и литературное краеведение. Он – исследователь творчества В. Г. Бенедиктова, К. Н. Батюшкова, Е. А. Боратынского, В. Я. Брюсова, И. А. Бунина, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, Н. П. Огарева, А. И. Полежаева, А. С. Пушкина, К. Ф. Рылеева, Д. Ю. и Н. Е. Струйских, Н. М. Языкова и других русских писателей.

В 1996 – 2000 гг. Николай Леонидович являлся заместителем председателя специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по специальностям «Теория культуры» и «Прикладная культурология» (при Мордовском университете); в 1997 – 2015 гг. – членом совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «Литература народов Российской Федерации – мордовская литература», «Русская литература» (при МГПИ им. М. Е. Евсевьева); с 1996 г. – членом совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «Литература народов Российской Федерации» и «Финно-угорские и самодийские языки» (при Мордовском университете). Член редколлегии журнала «Русский язык и литература в школах Кыргызстана» (Бишкек, с 2018 г.),

Н. Л. Васильев – обладатель восьми грантов Российского гуманитарного научного фонда, исполнитель других грантовых программ этого фонда. В 2004 – 2005 гг. по приглашению финского исследователя М. Ляхтеэнмяки участвовал в реализации совместного научного проекта по изучению истории советского языкознания 1920-х гг., поддержанного грантами Академии наук Финляндии.

Научные контакты связывали исследователя с учеными стран Западной Европы, Северной и Южной Америки, Азии. Работы публиковались и рецензировались в ведущих российских изданиях и за рубежом (более чем в 20 странах); переводились на английский, французский, португальский, итальянский и мордовские языки.

Н. Л. Васильев был участником многих международных научных конференций в России, а также в Белоруссии, Болгарии, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Греции, Италии, Испании, Канаде, Китае, Сербии, Турции, Украине, Финляндии, Франции и Швеции.

Особой страницей научной биографии Николая Леонидовича было изучение наследия М. М. Бахтина и «круга Бахтина», прежде всего – В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева. Ученый входил в редколлегию научных журналов «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (Москва, 2009 – 2010), «Bakhtiniana. Revista de Estudos do Discurso» (Сан-Паулу, с 2018 г.), «Бахтинский вестник» (Саранск, с 2019 г.), молодежного журнала «Странник» (Саранск), также был постоянным автором бахтинского раздела «Невельских сборников». Подчеркнем, что в его обзорах бахтинских форумов нашла отражение история бахтинистики последнего десятилетия. Во многом благодаря Николаю Леонидовичу Центр М. М. Бахтина посетили переводчица трудов М. М. Бахтина на португальский язык, доктор филологических наук, профессор филологического факультета Университета Сан-Паулу Шейла Грилло и профессор факультета литературы, искусства и науки Токийского университета Васэда Масахико Оиси.

Н. Л. Васильев неоднократно выступал в Центре М. М. Бахтина с докладами и сообщениями. Его последнее выступление состоялось 5 марта 2021 г.: в день памяти мыслителя он поделился воспоминаниями о своем отце – многолетнем коллеге М. М. Бахтина по кафедре литературы¹.

Редколлегия журнала «Бахтинский вестник».

¹См.: https://old.mrsu.ru/ru/news/index.php?ELEMENT_ID=77448&phrase_id=4495484

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВИКТОРОВИЧА ФЕДОРОВА (29.08.1941 – 19.05.2021)

19 мая 2021 г. не стало Владимира Викторовича Федорова – доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой истории русской литературы и теории словесности Донецкого государственного университета, одного из основателей Донецкой филологической научной школы, автора книг и статей по филологии («Проблемы поэтического бытия», «Мир как Слово», «Три лекции об авторе», «Диалог в романе», «Три шедевра Пушкина», «О природе поэтической реальности» и др.).

Последняя книга профессора В. В. Федорова «Проблемы поэтического бытия. Сборник работ по фундаментальной проблематике современной филологии» вышла в 2021 г. в Санкт-Петербургском издательстве «Алетейя». В ней собраны все значимые работы автора – от «Диалога в романе» до философских размышлений последних лет.

«Самый последовательный ученик М. М. Бахтина» – так назвал В. В. Федорова русский историк и филолог Вадим Валерианович Кожин.

В декабре 2018 г. в Центре М. М. Бахтина состоялась онлайн-встреча с Владимиром Викторовичем. Он с юмором и присущей ему самоиронией вспоминал о знакомстве, встречах и беседах с Михаилом Михайловичем Бахтиным в Саранске и Москве, о тех особых минутах общения, которые стали событием в жизни Федорова и определили направление его научных поисков. Рассказывая коллегам об основании и современном состоянии Донецкой филологической научной школы, профессор размышлял о непреходящей новизне и актуальности идей Бахтина, о том научном потенциале теоретических исследований мыслителя, который, по его мнению, не востребован современным литературоведением.

Его живой ум, неофициальность (в бахтинском смысле слова) при душевной щедрости и духовной высоте покорили слушателей¹.

Мы надеялись на продолжение нашего диалога...

Редколлегия журнала «Бахтинский вестник».

¹ См.: <https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2019/09/2019-%E2%84%962-%D0%A4%D0%95%D0%94%D0%9E%D0%A0%D0%9E%D0%92.pdf>